

Ирина Степановская



*Женись
на мне*

Ирина Степановская
Женись на мне (сборник)

«ЭКСМО»

Степановская И.

Женись на мне (сборник) / И. Степановская — «Эксмо»,

Не всякая девушка способна, взглянув в глаза любимому, сказать: «Женись на мне!» Героини рассказов Ирины Степановской необыкновенно искренни в своих чувствах. Они не желают притворяться и готовы выдержать любое испытание. Но, что гораздо важнее, искренен сам автор – от первого и до последнего слова.

© Степановская И.

© Эксмо

Содержание

Из Петербурга в Москву	5
Время Девы	12
День рождения	18
Женись на мне	30
Лялочка, или Ироничное размышление о нас, труженицах пера	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Степановская

Женись на мне (сборник)

Из Петербурга в Москву

«Красная стрела» стояла в сиреневых майских сумерках на крытом перроне Московского вокзала, фигурально выражаясь, «на всех парах». Проводницы в аккуратных костюмчиках заканчивали проверять билеты у запоздалых пассажиров и уже готовились войти в вагоны и встать в дверях, развернув желтые флажки. «В Москву, в Москву!» – дрожал от нетерпения блестящими боками огромный состав, и Петербург с его туманными набережными и Адмиралтейской иглой уже готовился отойти в прошлое.

– Лида, у нас кто сегодня? Опять Боярский? – спросила у проводницы, проверяющей билеты в вагоне СВ, ее напарница.

– Нет. Боярского что-то нет. Зверева едет. – На молодежавом еще лице блондинки с кудряшками, в форменной пилотке с эмблемой крылышек в колесе не отразилось ничего, кроме равнодушия.

– Елена Зверева? Одна? Или с мужем? – зашла от любопытства молоденькая напарница-проводница. – Такая же красивая, как на фотографиях? А одета как? Я ее живьем никогда не видала!

– Да почему я знаю, я и не разглядывала. Билет предъявил провожающий. Она прошла. Он занес в вагон вещи да вышел. Вот и все.

Поезд тронулся так плавно, что только по начавшим удаляться старинным фонарям можно было заметить медленное движение. Редкие провожающие потянулись в обратную сторону. Вскоре вокзал остался позади, проводницы подняли подножки, закрыли двери и пошли по своим делам. Пассажиры разошлись по купе, за окнами быстро стемнело, поезд выбрался из города и резво покатился по бескрайней равнине, а где-то далеко на севере, за Петербургом, разливалась молоком белая ночь. Елена Зверева, известная артистка, повесила на плечики светлое пальто, отделанное прелестным легким мехом, небрежно бросила на столик женский журнал, на первой странице обложки которого красовалась она сама в вечернем платье, и приготовила билет для проверки.

«Куда же мне деть цветы? – задумалась она, рассеянно глядя на большой букет кремовых роз в розовой гофрированной упаковке. – До завтра в вагоне не доживут. Надо было после спектакля передарить их этой старой актрисе, пенсионерке. Ей было бы приятно, а мне все равно. В следующий раз так и сделаю, а сейчас надо попросить проводницу поставить их в вазу». В ожидании она устало откинулась на спинку дивана и, рассеянно перелистывая страницы журнала, нашла в нем собственное интервью. «Как научиться любить себя» – так назывался раздел журнала, в котором оно было напечатано.

«Я считаю нужным себя беречь...» – прочитала она первую строчку и подумала: «Написано правильно, но получилось как-то уж очень прямолинейно...»

Дверь открылась, вошла проводница за билетом.

– Чаю желаете? – спросила она, не глядя на Звереву, присела и стала вкладывать протянутый ей билет в специальный карман служебной матерчатой сумочки. Что-то в наклоне ее головы, в россыпи белокурых кудрей под пилоткой показалось Елене знакомым.

«Откуда я могу знать эту проводницу? Ерунда какая-то!» – подумала Зверева и сказала:

– Чаю я не хочу. А вот не принесете ли вы мне какой-нибудь сосуд для букета? – И отработанным театральным жестом светской красавицы она показала на розы. Проводница оценила на глаз толщину букета и со словами «Сейчас посмотрю» вышла из купе. И снова Зверева

вой показалось, что она ее уже где-то видела. «Ну подумаешь, может быть, ехала сюда с ней же», – решила она и, выкинув проводницу из головы, стала вспоминать прошедший спектакль и то, как она забыла произнести какую-то незначительную фразу, но этого, к счастью, никто не заметил. Правда, ее партнер посмотрел на нее пристально, но ничего не сказал. Не стал, наверное, связываться, а то она могла бы пожаловаться мужу.

«Скорей бы уж она принесла какой-нибудь горшок! Снять бы макияж да в постель. Уж очень устала!» Елена стала расставлять на столике баночки с косметикой. Куда бы она ни ехала, где бы ни находилась, забота о лице была у нее делом первой необходимости.

Все-таки лучше французских кремов еще никто ничего не придумал! Елена заботливо осмотрела содержимое баночки. «Алексей в июне поедет в Париж, надо составить ему список, а то до осени не хватит», – мелькнула мысль. Тут же ее мысленному взору предстала плешивая голова, глубокие складки на лбу, хитрые глазки в сетке мелких морщин, тонкий рот, растянутый в обаятельной на первый взгляд, а на самом деле хищной улыбке, открывающей миру два ряда белоснежных искусственных зубов – современное чудо стоматологического искусства. Это был Алексей Александрович, ее муж, ее педагог, ее продюсер, ее режиссер. Впрочем, режиссер он был не только ее. Приходилось держать ухо востро, чтобы какая-нибудь еще более молоденькая и хорошенькая актрисочка не перебежала Елене дорогу. Алексей Александрович хоть и был старше ее на тридцать лет, но молоденькими актрисочками до сих пор не гнушался. А поскольку он любил показывать сам, что именно и как надо делать на сцене, то его мягкие, белые, но все еще цепкие и сильные руки частенько прохаживались по их молодым телам. Елена, как женщина умная, глаза на эти шалости закрывала. К тому же Алексей Александрович был тоже очень умен, молодую свою жену ценил и некие грани приличия переходить себе не позволял. И очень любил их сына, Алексея-младшего, как его все называли. Алеше пока было всего одиннадцать, но вот уже скоро год, как он пребывал с доверенным членом их семьи в Англии.

– Как ни скучаю я об Алеше, но хочу, чтобы он с малолетства усвоил все привычки цивилизованного человека, – говорил Алексей Александрович. – Что поделаться, у меня спектакли, у жены спектакли... Чем он здесь будет без родителей с теткой болтаться, пусть лучше привыкает жить за границей да язык учит. Черт его знает, чем все может кончиться в этой стране, – бархатным, хорошо поставленным голосом говорил он гостям, флиртливо покачиваясь на подлокотнике кресла, в котором сидела жена. А Елена смотрела сбоку на его очень круглый живот, на его двойной подбородок и думала: ну и что же, что он уже в возрасте? Зато он умен, зато всегда ласков с ней, зато он дает ей роли и дарит драгоценности, наконец. Не говоря уже о продюсировании. А его жизненному опыту может позавидовать любой мужчина. А ее задача не допустить конкуренции. Что ж, такова судьба театральных жен... От Чехова до Мейерхольда, и далее везде...

Проводница все не шла. Елена слышала, как она вернулась с билетами в свое купе, потом стала разносить чай. Ну и бог с ней, с этой проводницей, да и с букетом. Не последний букет в ее жизни. Тонкие пальцы Елены привычно выдавливали содержимое из тюбиков, легко и бережно вбивали мягкий крем в кожу. Елена почувствовала, что голодна. Что ж, баночка йогурта и ржаной хлебец были наготове в специальном мешочке. На столе стояла бутылка минеральной воды «Эвиан». Елена чуть прикусила хлебец и запила водой. С годами она приучила себя есть медленно, тщательно пережевывая любой продукт. «Через пятнадцать минут после первого укуса, – так говорил ее врач-диетолог, – начинается процесс пищеварения, и аппетит тогда ослабевает. Главное – не слопать все, что есть на столе, сразу. А то непременно захочется добавки». Рассеянный взгляд Елены упал на строчку в журнале.

«Я люблю себя, – прочитала она в своем интервью, – и поэтому мне кажется теперь вкусной самая простая и полезная пища. Та пища, которую я ни за что не стала бы есть раньше, в детстве, когда мама с уговорами запихивала в меня ложку за ложкой овсяную кашу».

Да уж, в молодости такое не съешь, усмехнулась Елена. В восемнадцать лет хочется колбасы, мяса, сарделек. И самое главное, не откладываются эти сардельки ни на талии, ни на бедрах. Не то что теперь, когда тебе уже за тридцать. Она вздохнула и критично посмотрела на свою фотографию в журнале как бы со стороны. Нет, придраться не к чему. Хороша! Лицо, грудь и плечи в декольтированном платье выше всяких похвал! Недаром статья называется «Я у себя одна!». Елена опять усмехнулась.

А было время!.. Как они с Лидкой, тогдашней подружкой, соседкой по парте, будучи десятиклассницами, первый раз поехали без родителей на зимние каникулы в Петербург. Как они хохотали тогда до упаду на полках в плацкартном вагоне оттого, что ночью вдруг ни с того ни с сего на станции Бологое обе проснулись, сдуру вышли на ночной зимний перрон проветриться и, промерзнув в пурге на зимнем ветру, зверски проголодались! И, не обращая внимания на недовольные вздохи толстой тетеньки на соседней полке, шурша газетами, разворачивали бутерброды и лупили скорлупу с вареных яиц. И заливались беззвучным хохотом, давясь и толкая от щенячьего восторга друг друга, запикивали в жадные молодые рты эту, по нынешним понятиям, очень вредную еду. И зачинщицей этого безобразия была, конечно, Лидка. Она, Леночка Зверева, всегда была более спокойной, более сосредоточенной. А Лидка была сорвиголова. Где теперь носит ее белокурую голову? Она же и была зачинщицей той поездки зимой в Ленинград. У Лидки в этом городе жила какая-то престарелая родственница, как Лидка говорила, настоящая Пиковая дама. Да... После того обжорства в вагоне они еще долго болтали, не могли уснуть.

– Ой, у меня что-то в ухе стрельнуло! – запищала под конец тогда Лидка.

– Так зачем же мы с тобой, как две идиотки, без шапок стояли на станции на платформе? – Точно. Так она Лидке тогда и сказала. «Как две идиотки!» А Лидка ей ответила соответственно. Лидка тогда сказала, вспомнила Елена дословно:

– Я хотела посмотреть, не едет ли в соседнем вагоне граф Вронский!

Граф Вронский! Подумать только! Господи, конечно, две идиотки! Откуда они теперь, Вронские! В лучшем случае выйдут покурить какие-нибудь запоздалые пьянчуги из вагона-ресторана. А то и вовсе бог знает кто.

Елена с сожалением посмотрела на букет. Головки у роз уже чуть примялись. Она вздохнула. «А Лидкина родственница точно была Пиковая дама, – вспомнила она почему-то. – Такая же старая, едкая и скрипучая».

Елена аккуратно соскребла со стенок баночки йогурт, доела хлебец и вдруг мысленно ахнула. Да ведь это же Лидка! Проводница, которая проверяла билеты и у которой она попросила вазу для цветов, не кто иная, как Лидка! Конечно! Вот кого напомнили ей этот характерный поворот головы и светлые кудряшки под пилоткой! Это точно она! А что же, разве Лидка ее не узнала? Почему же не поздоровалась, ни о чем не спросила? Постеснялась, наверное...

Елена решительно встала, взялась за ручку двери. «Нет, я пойду сама, я спрошу у нее, неужели я так изменилась, что она не хочет меня знать?» Она потянула дверь и вышла в коридор. Ночной сквозняк веселился в проходе, холодил воздух, вздувал занавески. Было пусто, стучали колеса. Верхний свет был притушен, в вагоне царил полумрак.

«Что же, я так и зайду? Спрошу: отчего ты меня не узнала? А может, Лидка уже легла спать? Нет, это глупо! – решила Елена. – Я лучше сначала просто пройду мимо, посмотрю, что она делает!»

Елена схватилась за поручень и направилась в начало вагона. Дверь купе проводников была приоткрыта, две проводницы, Лида и та, другая, ее напарница, сидели за столом и мирно ужинали. «Колбаса с хлебом и чай, – заметила Лена. – Нехорошо отвлекать. Пусть поедят». Она сделала вид, что отправилась помыть руки.

– Ну, Ванька твой что, учится? – расспрашивала за столом Лиду вторая проводница. – Нравится ему?

– Нравится-то нравится... – отвечала та с такой сердечной, такой мягкой улыбкой, что сразу было ясно – речь могла идти только о Лидкином сыне. – Да глупый еще. Вот приехала утром – смотрю, хромает. Что такое? А он опять портянками ноги в кровь стер. Пятнадцать лет парню, а все никак не научится правильно портянки наматывать! Дома-то все в кроссовках!

– А трудно в Нахимовское училище поступить? – допытывалась соседка. – Может, и моего туда?

– Да что ты, – снисходительно и со скрытой гордостью ответила Лида. – Это его моя тетка устроила, Пиковая дама. Ей уж скоро сто лет будет, она родилась еще при царе, связи у нее старые были, вот она и помогла. А просто так туда поступить невозможно! Я в Питере сначала иду к Ваньке, а потом сразу к ней – полы помыть, за продуктами сходить. Особенно зимой, чтобы она не упала. А то упадет еще, ногу сломает...

– Ой, смотри! – громко зашептала ей соседка и головой замотала на дверь. – Это же Зверева прошла!

– Слушай, я совсем позабыла, – поднесла Лида руку ко лбу, – отнеси ей этот вазон для цветов! Она просила.

Напарница цепко схватила пластмассовый сосуд, стилизованный под греческую вазу, и умчалась в коридор. Через минуту она вернулась с вытаращенными глазами.

– Какой костюм у нее, Лида! Какая сумочка, и сама... какая она красавица! Лицо массивное, когда я пришла! Вежливая, спасибо мне сказала!

– Да, дай бог тетке здоровья, – продолжала Лида о своем и отрезала себе еще кусок колбасы, положила на хлеб. – Ванечка-то сам захотел в Нахимовское. У нас в Москве ему ничего не поймать. Ему и заниматься-то, по большому счету, негде было. В нашей хрущевской двушке нас и так полон дом. Муж постоянно дома, да мама, да дочка-сорвиголова подрастает. Но ничего, бывает и хуже!

– А ты говорила, – оторвала наконец взгляд от двери и стала прихлебывать чай из стакана соседка, – у вас раньше квартира была хорошая на Котельнической набережной.

– Да, была. При папе, – подтвердила Лида. – Папа занимал хорошую должность. А когда заболел, мы квартиру продали, искали деньги на операцию. Но папа все равно умер, а потом муж на машине разбился. Еще две операции на позвоночнике. И мы еще раз тогда поменялись. Теперь уже на хрущевку. Но я не жалею. У него теперь хотя бы руки работают, и он по дому в коляске ездит. Мастерит помаленьку. То полочку сделает, то табуретку починит. А заказов у него никаких нет, теперь в «Икее» можно купить все, что хочешь. Он все мечтает компьютер освоить, да ведь его еще сначала надо купить. До травмы-то он профессиональным спортсменом был. Специальность у него – тренер по баскетболу. Но ничего! Главное, что он не пьет! А живем помаленьку, – улыбнулась Лида и придвинула соседке еще один бутерброд. – Ты не стесняйся, ешь! Ешь! Ночью знаешь как хочется есть! Я без этого уснуть не могу! Особенно если до Бологого не поем, все! Считай, ночь насмарку!

– Ох уж это Бологое! – вздохнула напарница. – Если бы не оно, так до самой Твери бы без остановок! Можно хоть выспаться!

– Ну что ты! – улыбнулась ей Лидка, и туго закрученные ее кудряшки, казалось, сами собой встрепенулись и зазвенели. – Я, когда выхожу в Бологом, всегда смотрю, не идет ли по платформе некто мужского рода в высокой фуражке, в старинном плаще с пелериной, не заглядывает ли в окна.

– Это что, призрак? – испуганно приоткрыла рот ее собеседница.

– Сама ты призрак! – засмеялась Лидка. – Граф Вронский!

– А кто это?

– Ой, как не стыдно! Ты «Анну Каренину» не читала? – удивилась Лидка.

– Когда читать-то? – обиженно поджала губы напарница. – В училище не проходили, а дома отчим пьяный ругается. Не больно и почитаешь...

– Ну ладно тебе. Я понимаю! – И Лидка ласково погладила ее по руке. – Я, когда школьницей была, все время мечтала: вот бы его встретить!

– Кого?

– Вронского.

– Ну и встретила?

– А как же! – Тугие Лидкины кудряшки опять горделиво звякнули, и все ее лицо озарилось чудесной улыбкой. – Как раз однажды в Бологом и встретила. Я уже студенткой второго курса была. Летом после каникул домой возвращалась. Как раз в Петербурге у тетки и гостила. А он из вагона-ресторана вышел свежим воздухом подышать. Они с командой там очередную победу отмечали. Через два месяца поженились. С тех пор с ним и живем.

Елена Зверева в раздумье смотрела на себя в зеркало. «Нет, не пойду! – решила она. – Войду, что скажу? Здравствуй, Лида, как поживаешь? Неудобно расспрашивать. Почему она работает проводницей? Образование у нее было филологическое, кажется. Правда, она замуж рано вышла и исчезла из виду. Но зачем-то она ко мне один раз приходила. Вот только никак не припомню зачем. Ах да, она просила денег. Кто-то у нее заболел. Нужна была операция. А мне как раз нужна была новая шуба. Мы тогда только начали встречаться с Алексеем Александровичем, и я должна была закрепить его интерес ко мне. Я была такая хорошенькая! А вот надеть мне было нечего совершенно. Да, шуба была просто необходима. А у Лидки квартира была превосходная, и отец какой-то большой начальник. Вполне она могла обойтись без моих денег...»

Крем уже полностью впитался в кожу, Елена перестала массировать лицо и задрала голову. Вот черт! Опять начал провисать подбородок. Срочно нужно идти к косметологу. Если не поможет лифтинг из плаценты, придется делать операцию. Как трудно быть актрисой! Операцию делать страшно, но надо! Придется выбрать время, когда Алексей будет за границей. Не нужно, чтобы он видел ее распухшей от синяков. И сына придется заслать куда-нибудь отдыхать. Все равно, когда они вместе, часто не понимают друг друга. А в последнее время он просто начал хамить... Никого не слушает, кроме отца. Да, это все издержки профессии... Елена забралась под одеяло и закрыла глаза, пытаясь отогнать неприятные мысли. «Я должна отдохнуть, чтобы утром выглядеть хорошо», – внушала она себе. Но сон не шел.

«Небось сидят они там, в своем закутке, попивают чаек и обсуждают, какая у артистов царская жизнь! – Елена с раздражением повернулась на бок, забыв, что от этого может помяться лицо. – А тут живешь в вечной гонке! Попробуй только на месяц потеряй форму! Сразу затопчут!» И так все злословят, что она так себе актриса, игрушка, придаток к мужу. И еще эта новая артисточка, инженер, прыщавая интриганка, все время лезет в глаза на каждой репетиции. То на колени к режиссеру вспрыгнет, то ему зад для щипка подставит. Якобы так требует ее роль! Теперь надо еще этим забивать голову, соображать, какой сделать хитрый ход, чтобы этой наглой девки не было в театре больше в помине! Сколько забот, сколько тревоги! А они там сидят спокойно, на ночь колбасу трескают!

Елена снова перевернулась на спину, откинулась на подушку, стала мысленно прокручивать в голове виды столиц мира, где ей приходилось бывать. «Да, красота, – подумала она и вздохнула. – В тренажерный зал опять сегодня не попала. Завтра, значит, должна заниматься по крайней мере в полтора раза больше. Как неохота, а надо работать. Для себя, для любимой, не для постороннего дяди!»

Колеса мерно стучали, площади и соборы чужих столиц слились в одну пеструю расплывчатую картину, и Елена незаметно уснула тревожным сном. Ей снился очередной спектакль, партнер, подававший ей реплики невпопад, и она сама, как пень, вдруг застывшая на сцене, в одночасье забывшая все слова.

В служебном купе разметалась во сне Лидкина товарка, вздрагивая всем телом и поводя руками. Ей снилось, что пьяный отчим не пускает ее домой и зачем-то изрезал ножницами ее самое лучшее платье. А Лида убирала остатки еды со стола и так и этак прикидывала, как сэкономить еще несколько сотен, чтобы купить сыну новые кроссовки, а дочке брюки с заниженной талией и кружевной топ с узким воротником. В Бологом она, как всегда, вышла посмотреть, не сядут ли к ней пассажиры, но в их дорогой вагон там практически никто никогда не садился. И Лидка в который раз поблагодарила судьбу за то, что смогла устроиться на эту работу, чтобы почаще видаться с сыном, а заодно и мужу дать возможность почувствовать себя ответственным за хозяйство. Конечно, трудно было в короткие промежутки отдыха притащить домой килограммы еды, все перестирать, перемыть и переделать, но по-другому жить нельзя – надо терпеть и радоваться, что еще не все так плохо. Сын учится, девочка подрастает, муж вроде не пьет, и старенькая мама пока ходит самостоятельно.

Утро в Москве выдалось не пасмурное, но какое-то пыльное, серое. Елена встала заранее, оделась, умылась, привела в порядок лицо. Когда она выглянула в коридор, проводница со светлыми кудряшками как раз пылесосила ковровую дорожку. Елена села в своем купе на диван, но дверь закрывать не стала. Когда пылесос поравнялся с ее дверью, она вышла в коридор, ухватила рукой за поручень. Проводница поправляла ковер, Елена ей мешала, та выпрямилась, посмотрела пассажирке в глаза.

– Вы не могли бы на минутку зайти в купе?

– Здравствуй, Лида! Не узнаешь? – сказала Елена и тоже посмотрела прямо в глаза бывшей подруге.

– Узнаю, Лена. Как не узнать! Но все-таки зайди в купе, ты мне мешаешь.

Елена послушалась, присела на диван, задрала ноги. Лида невозмутимо продвинулась дальше, привычно орудуя резиновым хоботом пылесоса.

– Я хотела спросить тебя... – начала Елена, но сделала паузу. – Ты вернешь мне билет? Он нужен мне для отчетности.

– Верну обязательно! – заверила Лида и покатила пылесос к следующему купе.

Лена откинулась на сиденье и закрыла глаза.

– Чай, кофе, свежие булочки! Извините, а можно у вас автограф? – В проеме двери возникла другая, молодая проводница с тележкой на колесиках и ручкой в руках. Елена открыла глаза, огляделась. На глаза попался женский журнал. Аккуратно расписавшись в углу собственной фотографии, помещенной на первой обложке, она протянула журнал проводнице. – Ой! – в восхищении пискнула та и прижала журнал к самому сердцу. Елена снисходительно, но приветливо улыбнулась, а проводнице показалось, что глаза у нее как-то по-особенному блеснули. От чая, кофе и булочек, разогретых в микроволновке, Елена, естественно, отказалась.

Когда поезд наконец втянулся на Ленинградский вокзал, она, уже готовая к выходу, стояла в проходе в светлых мехах, с элегантной дорожной сумкой и привядшим букетом роз и смотрела в окно. Встречающих было мало, и поэтому она сразу увидела внушительную и всем известную фигуру Алексея Александровича, нежно подавшего ей руку и загрохотавшего баритоном так, что отдельные ноты залетали в самую высь под своды стеклянной крыши вокзала. Молоденькая проводница, провожавшая пассажиров, восхищенно смотрела им вслед. Она заметила, что Елена Зверева, уходя, обернулась и посмотрела вокруг себя, будто кого-то искала. Непосвященному могло бы показаться, что вежливая актриса ищет взглядом другую проводницу, чтобы попрощаться и с ней, но на самом деле Елена Зверева, будто примеряя на себя совсем другую роль, обернулась в поисках высокой мужской фигуры в старинном военном плаще, с горящим любовью взглядом. Но поскольку никакой похожей фигуры поблизости не оказалось, а все более или менее приличные мужчины торопились прочь по своим делам, Елена затаенно вздохнула, подставила мужу щеку для поцелуя и стала слушать его не лишенный остроумия рассказ о театральных делах.

«Да и зачем они нужны, эти Вронские? – подумала она между делом. – С ними так много хлопот!»

А проводницы в это время сортировали грязную посуду и коробки, оставшиеся от завтрака.

– Вот это жизнь, Лидка! Вот это жизнь! – вдруг сказала, блестя глазами, та, что помоложе, и показала на журнал с автографом, лежавший на полке. – Конечно, надо смолоду уметь себя беречь, лелеять и холить! Как Зверева пишет!

– А она, случайно, не написала, – ответила Лида, – удавалось ли себя холить первой жене этого ее теперешнего, знаменитого и богатого, мужа? В то время, когда они по молодости лет скитались с детишками по подвалам и коммуналкам, работали за зарплату, колготки детские и пододеяльники стирали в корыте?

– Теперь время другое, – заметила молодая. – «Я у себя одна»!

– Конечно, конечно, – ответила Лида. – Иди по купе, снимай грязное белье.

И когда проводница ушла, Лида выпрямилась, тоже отчего-то заблестевшими глазами посмотрела в окно и вспомнила своего молодого мужа-баскетболиста. Как он впервые после повторной операции смог наконец сесть на больничной койке, уткнулся большой головой в ее хрупкое плечо, неуверенно поднял руку, погладил ее крутые кудряшки и хриплым голосом прошептал:

– Лида, ты у меня одна!

И как она припала к нему на грудь, заплакала и сквозь слезы сказала:

– Все будет хорошо, дорогой! Вот увидишь, все будет хорошо!

Апрель 2002 года

Время Девы

Все дело было в ботинках. Именно из-за них я обратила на Него внимание в первый раз. Мой муж, наш ребенок и я сидели в шесть часов утра на холодной скамье зала ожидания аэропорта Внуково и ждали посадку на рейс в Сочи. Муж читал газету и время от времени принимался ворчать, что из-за меня мы приехали в отсыревший от ночного дождя аэропорт ни свет ни заря. Я говорила, что куда как лучше нервничать на шоссе в пробке. Бежать, разбрызгивая грязь, через мокрую и скользкую от луж площадь с тяжеленными сумками под угрозой опоздать на регистрацию. Я говорила, что мне жаль, что прическа у меня не растрепана, глаза не размазаны, а, наоборот, выгляжу я, несмотря на столь ранний час, вполне прилично. Муж саркастически улыбался. Наш мальчик разглядывал комиксы.

И тут я увидела Его обувь. Не серенькие или бежевые ботинки с рынка, которые покупает себе мой муж и в которых ходит подавляющее большинство мужчин нашей страны. А настоящие кожаные, благородного вишневого оттенка мокасины с бахромой, золотистой подошвой и сложным узором из дырочек. Подошву я разглядела, потому что прямо передо мной одна Его нога в шикарном мокасине была положена на другую и слегка покачивалась в такт мурлыканью барственного баритона.

Не поднимая глаз, я повела ими вправо и влево. С одной стороны рядом с вишневыми мокасинами, припадая одна к другой, уютно расположились аккуратные белые босоножки, а с другой – небрежно, под тупым углом разбросались маленькие зеленые шлепанцы. Я отчего-то вздохнула. И после этого подняла глаза.

Да, они сидели втроем, так же, как мы, на скамейке. Он тоже, сучая, читал газету. Вернее, мой муж читал, а Он лениво просматривал, одной рукой обнимая жену, а другой – девочку. Девочка, привалясь на его плечо, отправляла в рот чипсы. Видимо, ей с утра, так же, как и мне, ничего не хотелось есть. На нас они не смотрели.

– Спорим, – сказала я мужу, – та семья, что напротив, тоже летит в Сочи.

Он сказал, не отрываясь от газеты:

– Ну и что?

– Ничего.

Мой муж проглатывал все издания без разбору, кроме женских и медицинских. Он зарывался в них всем нутром. Он искал в них подстрочный смысл, будто от этого зависела его смерть или жизнь. А я работала в медицинском издании. Разумеется, в том, которое он никогда не читал.

Наконец объявили посадку. Прозрачная пелена дождя над взлетно-посадочной полосой сменилась холодной испариной. Пассажиры надели на себя что что мог. Будь мой ребенок в шлепанцах, я закутала бы ему ноги хоть полотенцем. Родители девочки сохраняли спокойствие.

Я посмотрела на мать. Она выглядела победно. Блондинка типично американского вида. Голубые глаза, короткий вздернутый нос, стрижка, майка без рукавов и светлые шорты в обтяжку – все соответствовало образу веселой, спортивной представительницы Соединенных Штатов, каких часто показывают в боевиках и фильмах про инопланетных пришельцев. Девочка была вся в нее.

Он был совсем другого типа. В очках в золотой оправе. С хорошо намеченной лысиной. Но не с такой, бугристой и некрасивой, зажатой между висков, которую униженно прикрывают чудом оставшимися редкими прядями. Его лысина была вальяжна, она была надушена и вставлена в раму ухоженного темно-русого пуха. Она свидетельствовала по меньшей мере о респектабельности.

Его жена и дочь не ежились от промозглого холода. Они стояли около самого трапа, он их обнимал. Он позаботился, чтобы они вошли в самолет в числе первых.

– Ты готов был меня сожрать, что я потратила двести рублей на частного, чтобы не тащиться в такую рань на метро. – Я сказала это мужу, как только мы опустились в кресла. Очевидно, бес зависти дернул меня за язык.

– Если бы ты работала не в своей богадельне, а в престижном журнале, – ответил мой муж, – то мы могли бы себе это позволить. Но у тебя доходы другие.

– А при чем тут вообще я? – Игла сама опустилась на заезженную пластинку. – Ты участвуешь в реконструкции своего завода вот уже десять лет...

– У тебя есть претензии? – Муж резко захлопнул прочитанную газету. – Если бы мы полагались на тебя, то не уехали бы никуда дальше тещиной дачи!

– У некоторых жены вообще не работают, однако отдыхать ездят на Тенерифе.

Ребенок самостоятельно пристегнул ремни и продолжал в сотый раз просматривать комиксы. Он был привычен к таким перепалкам.

– Как ты могла заметить, тот так поразивший твое воображение самец, – ядовито продолжил муж, испытывающий презрение ко всем лысым, так как сам был еще вполне волосат, – тоже везет свою семью в Сочи, а не на Канары!

Самолет стал выруливать, и я закрыла глаза.

После набора высоты я распаковала бутерброды с сыром и термос. Тройка наискосок от нас пила пиво и сок, мурлыкала и обнималась. Мой муж читал уже третью газету. Мне стало жаль своего сына. Я обняла его и прижала к себе. Он слегка отстранился. Я еле сдержалась, чтоб не заплакать.

Сразу видно, что для того человека его семья – все. А для моего мужа семья – это завод. А мы – по остаточному принципу. И как бы ни пыталась я его повернуть лицом к себе или ребенку, исподволь и впрямую, намеками или криком, – все было с одинаковым результатом:

– Я не могу подводить мужиков!

– А меня подводить можешь?

Для «мокасин» никакого завода не существовало. Сразу было видно: он для них – они для него.

Муж отверг бутерброд пренебрежительным: «Не хочу!»

Я положила бутерброд на салфетку. В принципе я понимала, почему Джоди Фостер родила ребенка не от мужчины, а от банка данных. Сейчас мне захотелось сообщить об этом мужу. Я и донесла это до него. Просто как факт. Не привязывая свое замечание к бутерброду.

– Я бы, может быть, тоже родил от банка данных, – ответил муж, – да у мужчин этот процесс не идет!

– Значит, больше цени женщин! – сказала я. Но он уже захрапел. И открыл глаза, когда мы уже пролетели над морем и опустились в раю, где прямо в аэропорту шелестели веерами пальмы и загорелые дочерна женщины предлагали всем уезжающим за десятку полные картонки багровых роз.

На выходе мне было не до чужих мокасин. Надо было схватить багаж, отбиться от толпы предлагающих услуги, найти дешевого частного и устроиться в санатории. Но, выходя из самолета, я видела, что Та женщина оглянулась. Хотела ли она взглянуть на меня или просто проверить, не забыла ли что из вещей, было непонятно. Но ее взгляд я отметила.

Отпуск пролетел, как один день. Нам было лень продолжать свои вялые перебранки, поэтому оба молчали. Купались по десять раз в день. Ели мороженое, пили вино. Ребенок был счастлив. Неотвратимо приближался отъезд. Прогноз погоды развеивал все надежды. Опять на носу осень, дожди, а вместе с ними – мой очередной день рождения. Конец августа – время Девы, каковой я являюсь до мозга костей.

На посадку я шла с еще мокрыми и солеными волосами. И вдруг снова увидела Ту семью. Сразу вспомнила. Кожаные мокасины, зеленые шлепанцы и белые босоножки. Девочка держала корзинку с персиками. Санаторный срок одинаков для всех. Я улыбнулась им, как родным. Он не видел меня в упор, ни тогда, ни сейчас. Она посмотрела и отвернулась. Меня для них просто не существовало. Они были в себе. Опять были самодостаточны. Видимо, такими они были всегда.

«Внуковские авиалинии» хоть не кормили, но летали, не отклоняясь от расписания. Мужчины снова читали газеты. Но я подсмотрела – один раз курносая «американка» заглянула через плечо мужа в газетный лист и зевнула. Он покровительственно похлопал ее по щеке. И тут же ее взгляд упал на меня. «Ну что ты пялишься!» – ясно выражало ее лицо. Я смутилась и стала смотреть в окно. Через два часа мы опять были в Москве, и потекла по-прежнему моя жизнь. Будни в редакции, небольшие командировки, заботы дома. Та семья в самолете не давала мне покоя. Как удалось достичь такой гармонии отношений? Специально они над этим работали или получилось все просто так?

Разгадка явилась сама собой. Я снова увидела своего Героя. Возле метро, на Юго-Западе. Я возвращалась с редакционного задания. Уже наступило бабье лето, светило солнце, было около трех. Беспорядочная толпа суежилась, жужжа, у киосков. Шла бойкая торговля перцем и баклажанами. В музыкальном ларьке отбивала ритм испанская гитара. Она призывала откатиться от изготовления баклажанной икры и упасть в любовь. Fall in love, как говорят англичане.

В этот раз я сначала увидела его лицо. А потом перевела взгляд на ноги. Чтобы точно узнать и не ошибиться. Кожаные мокасины были на месте. Выше – джинсы, еще выше – трикотажная кофта, в руке красная роза в саркофаге прозрачного целлофана, на лице очки. «Американки» поблизости не было. Он держал за руку девушку, выглядевшую как топ-модель. Он что-то говорил ей и тянулся к ее щеке губами. Она презрительно кривила лицо. Жена была блондинка. Эта – как вороново крыло. Черноглазая, очень смуглая, с выщипанными бровями и алым ртом. Дрожащая и породистая, как лошадь Вронского по кличке Фру-Фру. Она холодно улыбалась. Он на чем-то настаивал. Она картинным движением опустила цветок в урну. Мой герой оскорбился. Она рассмеялась и ушла. Видимо, ей он не был нужен. Но мне он был просто необходим. Я хотела с ним познакомиться. Испанская гитара все набирала темп и бешено стучала в ушах. Я стояла как вкопанная, не в силах оторвать глаз. Он повернулся и, опустив плечи, пошел. Я побежала за ним. Обогнала его и толкнула плечом.

«Заметь же меня, заметь! – кричало ему мое сердце. – Я скажу тебе много прекрасных слов, я возьму тебя за руку, я утешу!»

В толчее он посмотрел мне в глаза и прошел. Он меня опять не заметил.

«А зачем он мне нужен? – думала я, пока ехала семь остановок домой. – Чтобы упасть в любовь? Я уже падала. Несколько раз. Получала шишки. Еще отделялась легко. Когда упала последний раз – вышла замуж, родился сын, была счастлива. Какое-то время. Теперь имею завод».

Муж пришел ночью, в двенадцать часов.

– Где ты был?

– На заводе!

– Ну-ну!

Не снимая ботинок, не моя рук, муж кинулся к телефону.

– Лексеич! – орал он диким голосом в трубку, не обращая внимания на поздний час. – Нам дали денег! Нам дали! Теперь мы пойдем вперед!

Я сняла трубку второго аппарата. На другом конце провода так же победно в ответ орал Лексеич. Я повязала голову полотенцем. Плевать.

Раз он не видел меня, стоявшую только что перед ним с новой стрижкой и в дорогом макияже, раз он не видел ребенка, сонно поднявшего голову от подушки, раз в глазах у него был только его завод, проекты, кредиты, смета, почему бы мне тогда не упасть в любовь? Какая разница, с кем изменять? У «американки» соперница – горделивая Фру-Фру, у меня – толстый Лексеич? У одних в соперниках – банк, у других – косметическая фирма. Если не с тобой, то какая разница, с кем? Изменить – это, может, спастись? Отыскать выход от скуки, от равнодушия, от злости, от лени. Значит, пусть блаженны будут такие измены, которые посылают на время – любовь, на время – разрядку, на время – отмщение.

Утро наступило волшебное. Поздний август в Москве – время Девы. Арбузы, как ленивые полосатые коты, грудami заперты в сетчатых вольерах. Ароматные желтые дыни греются на солнце впереди них на специальных прилавках. Дыни – товар дорогой, штучный. Их выбирают любовно, кладут в сетку, подвешивают на гвоздики в кладовке, и они источают там свой аромат вплоть до Нового года. Я люблю дыни. Дыня, как женщина: чем бережнее обращаешься – тем дольше пахнет. Позднее лето – прекрасный возраст. Сбор урожая. Здоровое осмысливание жизни.

У меня было новое задание. Ехать надо было на Юго-Запад.

– Народу осточертели колдуны, гомеопатические средства и пищевые добавки! – напутствовал меня шеф. – Нам нужен материал о настоящем ученом. – Он протянул мне адрес, фамилию, звание. Интуиция подсказала, что герой моего очерка – Он. Доказать это или опровергнуть можно было только практически. Я торопиться не стала.

Меня любят интервьюируемые. Я никогда не спрашиваю их, что они предпочитают на завтрак. Я пошла в медицинскую библиотеку и подняла его диссертацию и статьи.

Их было не так уж много. Но, посмотрев все, я поняла – он в своей области спец. Не мыльный пузырь. На моего Героя ссылались достаточно часто. В нашей стране и за рубежом. Я размышляла. Позвонила ему. Задала вопросы. Он сказал, что обязательно должен посмотреть, что я написала. Это входило в мой план. Предложения складывались сами. Статья обещала быть и проблемной, и познавательной. Вечером после ужина я сказала:

– Я написала потрясающую статью.

Конечно, я должна была бы знать, что именно в этот момент начнутся ежевечерние новости. Я просто не думала, что предпочтение будет так явно не в мою пользу.

– Поздравляю, – безразлично ответил мне муж и устремил взор на голубой экран.

Я положила статью в папку и отнесла в туалет. Там на специальной полочке лежали старые журналы, правила дорожного движения и даже орфографический словарь, чтобы каждый мог выбрать, чем ему поразвлечься в минуты интимного уединения.

Через некоторое время муж вышел из укромного уголка и сказал:

– В туалете на потолке паутина. Чуть не упала мне на голову. Надо там протереть.

Я надела очки и пошла посмотрела. Моя рукопись оставалась нетронутой. Ни странички не было загнута или изъято. Что можно делать в туалете, запрокинув голову? В груди заерзала ненависть. Если б не сын, я бы сдерживаться не стала.

Я бы многое могла вспомнить. Про не завинчивающийся целый год кран, про сломанный магнитофон и т. д. НО сын на кухне пил чай, и я молча сняла паутину. Ночью муж пытался подкатиться ко мне. Я приложила много усилий, чтобы не дать себя разбудить.

Наконец настал день моей встречи с Героем. Мурлыкающий баритон в трубке еще не знал, кого ему предстоит лицезреть во второй половине дня.

– Дай мне ключи от машины! – попросила я мужа, договорившись об интервью.

– Женщина за рулем... – многозначительно посмотрел на меня он. – Эй! Ты куда?

До него дошло. Он раскрыл глаза и увидел – я в Платье. В этот день я надела узкое черное, туфли на каблуках и матовые колготки. Если бы он не был так слеп, он давно должен был бы заинтересоваться наличием на мне этого платья.

– Раз подвергаешь женщин дискриминации – не твое дело! – ответила я и пошла к лифту. Я была готова упасть в любовь.

– Феминистка!

Я только хмыкнула и нажала на кнопку.

Мой Герой ожидал меня в кабинете. Никакой горечи по поводу любовных переживаний не было заметно на его лице. Он был спокоен, упитан. Если бы я не встретила его тогда у метро, мне и в голову не пришло бы, что у него был роман. Солидный мужчина, прекрасный семьянин. Но когда он подал мне руку, будто прожектор включился в его глазах.

Он разглядывал меня так, что я думала – вспомнил! Ну не мог же он совершенно не заметить меня, симпатичную, умную. Мы ведь встречались не раз! Однако нет. Он посмотрел на меня и начал читать статью, которую я приготовила и подала в аккуратненькой папке. Я протянула ему экземпляр, пролежавший ночь в моем туалете.

«Недаром его жена на меня зыркала, – думала я, вспоминая «американку». – Видимо, знает о его слабости. Даже если не знает, то чувствует... Но достойна всяческой похвалы – партию свою ведет тонко. Оберегает гнездо. А он, скорее всего, был искренен. Оба раза. Лев, кормящий свое семейство, не прочь поохотиться за молоденькой газелью. Газель убежала, инстинкт охоты остался».

– А вы умница! – сказал он. – Хорошо пишете. – Он одобрил текст в самых лестных для меня выражениях. Он пролил бальзам на мою душу. – Вы мне кого-то сильно напоминаете... – задумчиво сказал он, не зная, видимо, как лучше ко мне подступиться. – Мы могли бы обсудить наше интервью вечером где-нибудь в уютном месте... – Он вопросительно посмотрел на меня.

Конечно, он все еще очень мне нравился.

Я к нему шла. Через холод «Внуковских авиалиний», через обиды своей личной жизни. Я хотела почувствовать то тепло, которое он источал для «своих». Я хотела наконец попасть в поле зрения его глаз, до сих пор скрытых от меня стеклами очков с золотыми дужками. Я очень нуждалась в друге. В сильном мужчине, который помог бы мне обрести себя как лучшую в мире женщину, а не как вечную няньку, кухарку, сиделку по уходу и воспитательницу. Мне не нужна была его постель, мне было нужно, чтобы кто-нибудь взял меня в кольцо своих рук и сказал, что поможет. И если ради этого мне нужно было бы упасть в любовь, я была готова.

Он ждал моего ответа. И с моих губ уже готово было сорваться слово. Выдох, легкий шум моего согласия. Но зазвонил телефон. Он взял трубку, и его брови взлетели вверх.

– Это вас, – произнес он с неудовольствием и протянул трубку.

Звонил мой муж. Голос его был напряжен и настойчив.

– Мне сказали в редакции, что ты здесь... – начал он. Я молчала. – Так я хотел тебе сказать, – продолжал муж, – чтобы ты не сдавала статью.

– Почему? – удивилась я.

– Там есть две грамматические ошибки, – пояснил он, – причем на одной строке. Я сейчас заеду за тобой, и если текст у тебя, то я покажу.

– Хорошо, – выдохнула я это самое слово согласия, но относилось оно уже не к чужому мужчине, а к моему собственному. В трубке заныли гудки. И я, представьте, обрадовалась. Тому, что он все-таки прочитал, что почувствовал что-то, что позвонил и дал понять, что я ему нужна. Конечно, я не должна была обольщаться. Я знала, что вслед за короткой вспышкой внимания снова последуют прежние будни, но человека, дозвонившегося мне сюда и сейчас, я уже не могла обмануть. Я смотрела на моего Героя. Он был близко, напротив. Он взял меня за руку. Мое сердце ему уже не принадлежало. Но рука была теплая, сильная. Она поднималась от моей кисти к запястью и ползла выше и выше. Его пальцы гладили мою кожу, и казалось, что он вбирает меня в себя, будто спрут. Я стала задыхаться от его обволакивающего мягкого запаха и объятий. Я будто физически ощутила, как моя энергия переходит к нему, я собой почти не владела.

«Ну уж нет, пусть будет лучше завод», – подумала я и толкнула ногой стол так, чтобы уронить ручку. Извинения позволили мне отсесть подальше. Я наблюдала. Его глаза погасли. Будто выключили прожектор, заманивающий меня внутрь, в опасную, таинственную пещеру. Я увидела, что кожа у него в красноватых пятнах, а на носу бугорок, что-то вроде прыща. Смешно, но сегодня на нем мокасин уже не было. Я убедилась, когда поднимала ручку, на нем были новые черные ботинки.

Я поняла: все то, что за бортом моего собственного круга, – суета сует. Спасать себя надо самой. Гнезда не вьют поздним августом. Потому что уйдет время Девы. В глупом романе не спрятаться от одиночества. И я не буду тратить время на моего Героя. На человека-спрута, уже имеющего гнездо, но вбирающего в свой круг Дев, как мой муж вбирает в себя свой завод.

Я займусь собой. Своей внешностью и карьерой. Куплю новые туфли и прочитаю массу нечитанных книг. Пойду на массаж и в бассейн. В общем, сделаюсь человеком. Опять, как до той поры, когда некогда стройный и добрый мужчина подошел ко мне на песчаном балтийском пляже и сказал, что никогда еще не встречал такой замечательной девушки. И стоит ли реконструкция его завода стольких хлопот. А пока... Пока я подошла к своему Герою, вопросительно смотрящему на меня и размышляющему, соглашусь я или не соглашусь. Подошла очень близко, сняла с его поднявшегося ко мне лица очки и крепко поцеловала. Не боясь больше упасть в любовь.

Он здорово удивился.

– Не думайте обо мне плохо, я сделаю хорошую статью! Вам понравится! – сказала я после поцелуя, собрала свои шмотки и спокойно ушла. Я была уверена – за порогом меня ждали. Перед дверью я оглянулась. Он смотрел на меня так, будто изо всех сил хотел вспомнить, где же он все-таки меня видел.

Август 2000 года

День рождения

В этот день девчонки из отдела социально-бытовых проблем привели в газету психолога-француза. Психолог был с именем, старенький, лысенький, худощавый. Говорил он так, что переводчица еле успевала переводить: захлебывался словами, глаза его блеснули, маленькие сухие ручки в старческих пятнах с тщательно подпиленными ноготками летали в воздухе. Тем не менее его энтузиазм собрал массу слушателей. Подтянулась к группе заинтересованных полная дама из отдела культуры, прибежала в мотоциклетном шлеме девочка, которой только-только поручили писать о спорте. Даже ужасно худая и злобная незамужняя гримза, отвечающая за кулинарные рецепты и советы домохозяйкам, и та вышла из-за своего стола и подошла послушать. Действительно, слушать было о чем. Секс во Франции перестал быть первостатейной темой. Психолог говорил о любви.

Тема была затасканна и одновременно бессмертна. Вера сидела немного в стороне у окна и вела в газете постоянную рубрику экономических новостей. Громкая речь француза, сбивчивый, невнятный перевод пришедшей с ним длинноногой девушки, на которую он взирал с восторгом, отвлекали Веру от дела. Вероятно, кто-то французу сказал, что в России сексу нет места, и поэтому речь его была посвящена исключительно любви романтической. Начал он, во всяком случае, от Петрарки, который, по его словам, пребывая в возрасте девяти лет, умудрился встретить Лауру, многодетную мать семейства, проходившую по Понте-Веккио в окружении всех своих детей. И платонически влюбился в нее на всю оставшуюся жизнь, что, вероятно, очень раздражало мужа госпожи Лауры, если он об этом доподлинно знал. Кроме того, Петрарка еще посвящал ей неприличные стихи, которые называл сонетами. Вера это слушала-слушала, оставив на время свою колонку, а потом, разозлившись, вышла в коридор покурить.

– Елки зеленые! – громко сказала она, обращаясь к портрету Пола Маккартни, украшавшему большой настенный календарь, висевший в холле. – Мужчина – это тот, кто вечно хочет секса. Нет секса – нет мужчины. Об этом еще Хемингуэй писал, не считая воплей всех без исключения сегодняшних газет и журналов.

Пол Маккартни вежливо, как и подобает настоящему англичанину, улыбнулся ей с портрета неопределенной улыбкой. Взгляд Веры упал ниже его лица, на цифры текущего месяца, и воспоминание о том, какой сегодня был день, словно молотком стукнуло Веру по голове. Сегодня как раз был день рождения ее троюродной тетки Лиды.

– Батюшки мои! – воскликнула Вера и нащупала в кармане свой сотовый телефон. – Ей же сегодня исполнилось шестьдесят лет! Круглая дата! Я обязательно должна съездить ее поздравить!

Положение осложнялось тем, что тетка Лида жила за городом. Частично из-за этого Верины родители тетку и не любили. Собственно, она-то как раз их родственницей и не была. Маминым троюродным братом был теткин муж, умерший уже лет двадцать назад.

– Это она способствовала тому, что он начал пить, – говорила Верина мама. – Федя был человеком мягким, интеллигентным, противостоять ей не мог. Пьянство для него было скрытой формой протеста! Зачем только он на этой Лидке женился! Привез ее в Москву откуда-то из деревни... Один ее темперамент что стоил! Как начнет хохотать во всю глотку и дрыгать ногами, хоть святых выноси! И квартиру его прекрасную она профукала!

При упоминании о квартире Верина мама всегда скорбно поджимала губы. Еще бы, прекрасную квартиру в центре Москвы после смерти мужа тетка умудрилась променять на старую дачу какого-то композитора, и даже не в элитном дачном поселке в двух шагах от Москвы, а на задворках области, по дороге на Ярославль, откуда на электричке надо было пилить чуть не два часа.

– Поэтому и Ниночка жизнь свою не могла устроить! – пожимала плечами мама. – Кого же она там, на этих задворках, могла найти? Что с того, что природа там изумительная? На природе можно найти или пьяных, или маньяков. А женихов надо искать в институтах, в офисах, в ресторанах. Кто же Ниночку из института поехал бы на электричке в такую даль провожать? Теперь таких героев уж нет. Время не то, герои перевелись.

И правда, Ниночка, окончив институт, замуж так и не вышла. Немного поработала у себя в поселке на какой-то фабрике, а потом, когда фабрику закрыли, стала преподавать математику в местной школе. Ее зарплата, да эпизодические частные уроки, да пенсия матери, вот был и весь их бюджет. Старый большой дом теперь требовал ремонта, и Ниночка с матерью иногда с осени до весны пускали в лишнюю комнату квартирантов. В основном молдаван, приезжающих в Москву и Подмоскowie на заработки.

– Разве можно сейчас кого-то пускать в дом? – поджимала губы Верина мама. – Прежде чем слесарю из домоуправления дверь открыть, десять раз сомневаешься. А тут пустить на постоянное жительство совершенно чужих людей! – И она долго укоризненно покачивала хорошо уложенной головой.

– Да что у нас брать-то? Старое пианино, что ли, что еще от композитора осталось? – громко хохотала в телефонную трубку тетка Лида. – А зарплату мы тут же проедаем, у нас и денег-то наличных в доме никогда не бывает. Мы с Нинкой, как в войну, все деньги на запасы тратим. Крупа, макароны да мыло – вот и все богатство. У нас в доме брать нечего, но зато и голова об этом не болит! – Тетка Лида была женщиной крупной, здоровой, налитой и намекала на постоянно страдающую головными болями хрупкую мужнину родню. И Ниночка тоже внешностью и характером пошла в отца, матери не возражала, к жизни своей относилась спокойно, никогда не жаловалась, и никто не знал, счастлива она или нет.

Не знала об этом и Вера. Но тетку свою троюродную и сестру Ниночку Вера любила. Впрочем, какая уж Ниночка была ей сестра, так, седьмая вода на киселе, скорее подруга. Ниночка была ее, Веры, старше и часто ее опекала. Особенно в студенческие годы, когда Вера с целой компанией своих приятелей в любой момент могла нагрянуть к тетке на дачу и пировать там, беситься и развлекаться по нескольку дней, Ниночка не давала ей переступить известные грани. Родители Верины про эти разгульные набег с выпивкой и закуской не знали, Вера просила тетку не говорить, и та свято держала слово. Неизвестно, было ли самой тетке приятно оказаться в шумном кругу веселящейся молодежи, или она думала выдать Ниночку замуж за кого-нибудь из Вериных знакомых, только тетка всегда радушно принимала у себя Веру и ее гостей. Никогда не ругалась за вытоптанные грядки, а если кто-либо из молодых людей перебирал спиртного, тетка от души над ним хохотала и уводила голубчика спать. Зато наутро так над ним едко иронизировала, что проштрафившемуся становилось неудобно и он больше не повторял такого безобразия.

Но это все было давно. Уже и Вера успела выйти замуж, развестись, выйти замуж снова, родить ребенка и вырастить его до семи лет. Уже и тетка Лида успела состариться, оставить работу медсестры в местной поликлинике, начала прибалывать и грядки полола без прежнего энтузиазма. А Ниночка так и оставалась девушкой без возраста, с серыми глазами, маленьким ртом и огромной копной волнистых русых волос, которые она старомодно укладывала в прическу.

– Несовременная она у меня какая-то, – жаловалась часто тетка Лида на дочь Вере. – Ты бы хоть повлияла на нее! Постригла бы помоднее, губки бы ей накарсила! Я ей с пенсии лифчик купила с поролоновыми накладками, чтобы фигура была поинтереснее, так она спасибо сказала, губки поджала, а потом тихонько накладки в печку выкинула. Я утром-то печку топить стала – накладки-то и нашла. Постирала их после печки-то да прибрала пока, может, одумается.

Вот такие у Веры были сестра и тетка.

Вера сказала в редакции, что поехала на задание, матери позвонила, попросила забрать внука из школы и оставить его у себя, пока муж не вернется с работы. Мужу, Димке, позвонила и сказала, что в доме полно еды – и сыр, и колбаса, и пельмени – и что она на электричке едет на дачу, на день рождения к тетке, и обратно доберется сама. И после всех этих переговоров Вера достала из шкафа хорошенькую светлую норковую шубку, которую муж подарил ей в прошлом году, обула на ноги коротенькие бежевые сапожки на каблуках и с сомнением подумала, выдержат ли они деревенскую мартовскую распутицу. День рождения у тетки приходился аккурат на годовщину покушения на императора Александра Второго, то бишь на второе марта.

«Плевать, – сказала себе Вера. – Домой переодеваться ехать некогда. Развалятся – новые куплю. Тетка важнее». И она побежала в супермаркет за фруктами, вином и дорогой колбасой.

В Москве снег уже давно стоял. Снегоуборочные машины для вида еще разметывали грязь с главных улиц. Во дворах автовладельцы освобождали от смерзлых комков гаражи-ракушки и выпускали свои автомобильные чада наружу подышать свежим воздухом. На бульварах на черных ветках лип висели капли растаявшего льда, а за городом в лесу еще всюсю лежал крупитчатый белый снег.

«Красота-то какая!» – вдохнула полной грудью чистого воздуха Вера, выйдя на платформу из электрички. С полными вкусной снеди сумками в руках, поскользываясь на каблуках на заледенелой еще платформе, она кое-как медленно спустилась по ступенькам и огляделась. Цивилизация докатилась и до этого отдаленного уголка. Раньше на небольшой станционной площади красовалась только одинокая бочка с квасом да пара бабулек в пуховых платках топтались с вязаными варежками на продажу. Теперь же здесь было все, что душе угодно. И будка с колбасами местного изготовления, и обшитое вагонкой кафе, местный очаг культуры, и даже ларек с чахлыми гвоздиками, который, правда, был закрыт, а на борту его красовалась надпись – «Уехала за товаром». Здесь же на площади стояли в ряд маршрутки. Одна из них была готова отвезти желающих в местный заповедник – усадьбу знаменитого мецената, и зазывала-водитель окинул Веру призывным взглядом. Но объемистые сумки в ее руках подсказали ему, что эта женщина не нацелена на посещение музейных красот, и он только пробормотал, что скоро владельцем усадьбы станет другой меценат, и уж тогда фиг там что кто-нибудь увидит. Вера выбрала другую маршрутку. Она должна была ее довезти почти до самого теткиного дома.

– Вон там! – показала Вера подбородком, так как руки были заняты кулками, на серый забор, за которым высились две мохнатые красавицы ели. Маршрутка вильнула в разъезженной колее и затормозила.

– Гип-гип ура! Я снова, снова с вами! – закричала Вера и вывалилась с сумками в глубокий влажный мартовский снег. Калитка в заборе была приоткрыта. – Не запираетесь? – закричала Вера и вошла во двор. И ахнула. Двор было не узнать. Обычно плохо почищенный, зимой он был весь завален снегом, и только две узкие протоптанные тропинки вели одна к воротам, а другая в глубину двора к деревянному туалету. Снег был везде – и на крыше самого дома, и на заборе, и на зеленых лапах мохнатых елей. Деревянная беседка посреди двора, в которой летними вечерами пили чай, зимой бывала занесена по самую крышу. Эркер с огромным полукруглым окном обычно утопал в снежном сугробе. Ни кустов смородины, ни малины, ни шиповника не было видно. Кругом разливалась белая пустыня. Торчали на задах двора только голые кроны нескольких яблонь, да была на ветру в окно кухни до пояса занесенная сирень. Теперь же дорожка от дома к воротам была аккуратно расчищена во всю ширину, и на голубом снегу еще виднелись следы деревянной лопаты. По сторонам дорожки были наметены аккуратные, ровные сугробы, и через равные промежутки в них были воткнуты толстые желтые свечи, сверху прикрытые от снега и ветра обрезанными пластиковыми бутылками. В изумлении Вера остановилась и, выпустив сумки, внимательно поглядела: свечи были оплавлены, значит, по вечерам во дворе устраивали роскошное, волшебное освещение. Клумба возле эркерного окна тоже была разметена, и на ней красовался зазорный, нисколько не осевший с Нового года,

искусно сделанный Дед Мороз. Был он с окладистой снежной бородой, с палкой, покрашен малиновой краской, а опушка на шубе и шапке искусно вырезана каким-то инструментом так, что, казалось, была сделана из снежного меха. Даже небольшой эллипсовидный куст можжевельника, умилявший Веру голубоватыми нежными шишечками, обычно и летом еле видимый среди высокой некошенной травы, теперь элегантно возвышался посреди снежного поля и был украшен разноцветными флажками и небьющимися блестящими игрушками на манер елки.

Дверь в дом тоже была не заперта.

– С днем рождения! – громко пропела Вера, прошла через чисто прибранную прихожую и вошла в кухню.

Тетка Лида, наряженная в платье с крахмальным кружевным воротником, чистила вареную картошку в мундире, а Ниночка, такая же, как всегда, только уже в очках, нарезала салат. И было так тепло, так уютно в их небольшой зимней кухоньке, что Вера грохнула сумки на пол и счастливо засмеялась.

– Гостей принимаете?

– Приехала все-таки! – с любовью посмотрела на нее тетка, и глаза ее, темные, круглые, засветились весельем в четкой сетке морщин. Ниночка, улыбаясь, обняла ее, освободила от шубки, сапожек, принесла тапочки. И Вера, согретая теплом, уютом, радушным приемом, притащила сумки, уселась в кухне на табуретку и с удовольствием стала освобождать их.

– Какой стол у нас будет роскошный! – качала от удовольствия головой тетка, наблюдая за появляющимися на белый свет деликатесами.

– А кстати, – спросила Вера, – кто это у вас тут такой порядок навел? Неужели сами?

– Да прямо – сами! – сказала тетка. – У меня здоровье уже совсем не то, что раньше. А Нинка все в школе, вон и зрение уже испортила над тетрадками! Ей вовсе некогда.

– А кто же тогда?

– Да вон жених ее, – сказала тетка. – Квартирант.

Вера изумленно посмотрела на них.

– Мама все шутит, – миролюбиво пояснила Ниночка. – Никакой он не жених. Но парень хороший, работающий. Из Молдавии. Работает в поселке электриком, а у нас снимает комнату на втором этаже.

– А лет-то ему сколько? – спросила Вера, просто так, чтобы поддержать разговор.

– Лет двадцать пять.

– А тебе?

– Посчитай, – улыbnулась Ниночка.

Вера засмеялась. Ей самой было тридцать четыре, а Ниночка была старше ее на четыре года, вот и выходило, что они уже обе старушки. Вера подпрыгнула, подлетела, закурила Ниночку, сжала в объятиях.

– Мы с тобой еще о-го-го! Просто девочки! Нам никто нашего возраста не даст!

– Тебе-то, Верка, точно! – сказала тетка Лида. – У тебя и стрижка молодежная, коротенькая, перьями выкрашенная. А белый цвет всегда молодит. И похудела ты, это тебе к лицу. А Нинка моя и в двадцать была точно такая же, как сейчас.

– Да и вы, тетя Лида, кровь с молоком! – посмотрела на нее Вера. – Как были хохотушка да насмешница, так и остались.

– Вот не пойму я, девчонки, – сказала Лида, расправляя на груди кружева, – почему у одних девок женихов всегда полон дом, а другие ни внешностью, ни характером, ни умом не обижены, а весь век свой одни сидят!

– Мама! – укоризненно посмотрела на мать Ниночка. – Не надо опять все сначала! Не садись на заезженного конька!

– А я не просто так сажусь, а с намеком!

– Не садись, а то конек понести может! – Ниночка взяла со стола полную салатницу и понесла на стол, в комнату. Вскоре оттуда донесся стук ножей, вилок, тарелок. Ниночка накрывала на стол.

– Что это вы загадками говорите? – удивленно посмотрела на тетку Вера.

– Да уж загадки мои белыми нитками шиты! – сказала ей тетка. – Как только ты появилась, я сразу подумала: все, отобьет Верка у моей дочери последнего жениха!

– Да бог с вами, я замужем! – изумилась Вера. – О каком женихе-то вы говорите, об этом молодом парне, что ли? Да зачем с ним вообще связываться? Неужели у Ниночки с ним роман?

– Роман! Романов у нее отродясь не было. А влюбилась она в него, как на грех, сильно.

– Ну, влюбилась, и прекрасно. А я тут при чем?

– Пока ни при чем. Да овечкой-то не прикидывайся. Я ведь тебя, Верка, знаю! Ты человек опасный.

– Тетя Лида, вы какую-то ерунду говорите, не обижайтесь! У меня с мужем все хорошо, ребенок растет. Зачем мне нужен какой-то посторонний парень? – И Вера укоризненно затрясла головой.

– Ну, он посторонний, пока ты его не видела. А увидишь, так ахнешь! Парень красавец, каких на свете мало. И неглупый. Но глаза... Какие у него глаза! Насквозь прожигает!

– Да ну вас! – Вера встала и хотела идти помогать Ниночке.

– Нет, ты стой! – Тетка взяла ее за руку. – Вот ты мне скажи, отчего свет так глупо устроен? Ведь Нинка моя и умница, и красавица! Ты только посмотри, какие у нее прекрасные волосы, и глаза, и руки! А всю жизнь никого нет. Я умру, останется одна-одинешенька! А за тобой, Верка, всю жизнь парни табуном ходят, а ты их еще и разбираешь – этот не такой да тот нехороший. Да не сердись, я ведь любя говорю. Я тебя люблю и всегда Нинке в пример ставлю. Говорю ей, посмотри, как надо себя держать с мужиками! Ведь хоть стрижек у тебя и модненькая, но волос на голове – кот наплакал, и росточком ты не вышла – маленькая. И глазки у тебя – просто глаза, а у моей Нинки – глазищи, и все равно, нет у нее личного счастья и быть не может.

– Ну почему вы так говорите?.. – смутилась Вера. – Я тоже симпатичная, и образование у меня хорошее...

– Про образование ты молчи! Не в образовании дело! У Нинки тоже образование, а толку мало.

– Так мне уехать, что ли? – спросила Вера.

Она не понимала, отчего весь этот разговор, чепуха какая-то, но в глубине души не могла не признать, что все, что говорила тетка Лида, было правдой. Ниночка была красавицей, а она, Вера, объективно говоря, симпатичная, и не больше. Но Ниночкину красоту надо было рассматривать под микроскопом, разбирая отдельно, вот какие у нее прекрасные волосы, глаза, губы, ногти. А Верина миловидность сразу била в глаза – вроде ничего особенного, а все парни в компаниях ухаживали за ней. Конечно, маленькая блондинка, которая не лезет в карман за словом. И со своей небольшой высоты так может взглядом пригвоздить, что у парня и язык отсохнет.

– Зато меня все сразу норовят в постель затащить. Мне поговорить хочется, а приходится отбиваться, тоже нелегко! – сказала Вера, и было непонятно, шутит она или говорит серьезно. – Но если у вас тут такая любовь, я могу уехать, чтоб никому не мешать, – повторила она.

– Ну, не вздумай! – сказала ей тетка. – Я ведь тебя, племянница, тоже люблю! Да и столько ты всего вкусного натащила! Разве же это по-христиански – тебя несолоно хлебавши домой отправить! А уж с парнем с этим как получится, поглядим. – И тетка притянула к себе Веру и сочно ее расцеловала.

– Да где же он? Вы любопытство мое разожгли. Так и хочется посмотреть на писаного красавчика! – ухмыльнулась Вера, а сама подумала: «Да, жизнь отшельническая сводит с ума.

Ну ладно Ниночка, она всегда была натура романтическая. А вот чтобы тетка так сбрендила, этого я уж никак не ожидала».

– Придет, сама увидишь! – только и сказала тетка.

И вот уселись за стол. Картошечка с огорода дымилась в расписной миске. Огурчики тет-киного соления радовали глаз совершенством формы и размера, да прилипшим сбоку сморо-диновым листом, да белыми раковинками чеснока. Маринованные грибки одним своим видом вызывали слюну, а нарезанные Ниночкой ровно и тонко темные кружки копченой колбасы с мелкими жемчужинами нежного жира подразумевали только один вариант дальнейших дей-ствий – немедленно налить рюмку чистейшей холодной водки и сразу же закусить! Вера обвела глазами всю площадь круглого стола – с вазочкой красной икры, с блюдом розовой свежай-шей ветчины, с овальной селедочницей, в которой плавала в винном соусе селедка под белыми кольцами лука, посмотрела на край стола, откуда выпускала ароматный пар курица с черно-сливом – фирменное теткино блюдо, и закричала:

– Все! Не могу больше терпеть, сейчас умру! С днем рождения, тетенька Лидочка, доро-гая!

Лида разлила запотевшую водку, девушки со звоном стукнули бочками своих рюмок с двух сторон о ее тонкий стакан с принесенным компотом (тетка теперь не могла пить спирт-ное из-за давления), и в этот момент в комнате широко распахнулась дверь. Девушки однове-менно повернули головы, посмотрели. Ниночкино лицо медленно залилось краской нежности, а у Веры отпала челюсть от удивления. В комнату вошел стройный, высокий, черноглазый и чернобровый красавец в рубашке и галстуке, с букетом багровых роз. Все когда-либо ранее виденные Верой наяву и в кино красавцы рядом с ним не стояли.

«Вот это да! Тетка говорила не зря! В его сторону смотреть мне не надо. Солнце настолько яркое, что может ослепить», – подумала Вера и медленно сомкнула челюсти. Аппетит у нее пропал как-то сам собой. Тетка искоса лукаво на нее посмотрела и предложила картошечки.

– Да, есть на что посмотреть, – еле слышно прошептала, чуть нагнувшись к ней, Вера и, не дожидаясь остальных, допила свою рюмку водки.

А Ниночка расцвела. Она взяла из рук парня розы, будто не мать, а она была именинни-цей, усадила гостя за стол, положила ему полную тарелку разных вкусных вещей, налила ему рюмку. Он поблагодарил ее по-домашнему, как привычно благодарит жену за заботу, за вкус-ный обед усталый отец семейства, чуть помолчал и поднялся, чтобы сказать тост. И Вера отме-тила с хваткой профессионального журналиста ритмичность, четкость и внятную простоту его речи, твердость и хорошую форму руки, высоко поднявшей заздравную чашу, спокойный и в то же время мягкий, устойчивый баритон.

«Ну, парень хоть куда!» – подумала Вера и не поднимала от тарелки глаз, пока тетка сама не обратилась к ней:

– А это моя племянница! Журналистка! – Тетка смотрела на Веру темными, с хитрецей, кругленькими глазами. И вдруг начала расхваливать ее статьи, вспоминать, как веселились они тут с Ниночкой в молодые студенческие годы, рассказывать, как за Верой ухлестывали кавалеры. Ниночка молчала, подкладывала парню на тарелку лучшие куски, и, даже когда она смотрела не на парня, всего лишь перед собой, во взгляде ее ясно читалась любовь.

«Зачем тетка это рассказывает? – думала Вера. – Ведь я же сказала, что рта не раскрою, буду молчать. Ясно как божий день, что я не хочу мешать Ниночке».

И она действительно молчала. Ниночка постепенно развеселилась, и к чаю разговор при-нял самое непринужденное, шутовское направление. То самое, когда простая просьба подлить чаю или подложить варенья вызывает вдруг ни с того ни с сего новые взрывы смеха и шуток. Причем тетка то и дело подливала масла в огонь, подначивала их квартиранта и дочь, намекала на их «чувствительные» отношения. Ниночка покраснела от удовольствия, расслабилась, распушила волосы, сняла очки и действительно превратилась в домашнюю, очаровательную

мать небольшого дружного семейства. После чая все вместе пели романсы, и сквозь милые женские голоса пробивался приятный, мягкий выговор парня. Вера подпевала, улыбалась и в то же время присматривалась, прислушивалась к происходящему.

«Ну и к чему тетка клонит? – думала она. – К чему этот роман поведет? Неужели тетка хочет, чтобы этот красавчик женился на Ниночке? Или тетке позарез нужен наследник? Да, жаль, у них наследства-то никакого нет. Как они ребенка-то будут растить?» От этих мыслей вид у Веры был грустный.

– Вы чем-то расстроены? – спросил квартирант, когда настало время убирать со стола и Ниночка с матерью понесли посуду обратно на кухню.

– Нет-нет, – быстро сказала Вера и схватилась за грязные чашки, стоявшие стопочкой, чтобы не оставаться с квартирантом наедине.

– Отдохните, я сам помогу хозяйкам, – сказал парень и потянулся к этим же чашкам. И Вера почувствовала, как сверху ее пальцев спокойно и нежно легла его сильная тонкая рука.

«Это случайность!» – сказала она себе, молча подняла чашки и понесла их на кухню. Ниночка наливала воду в тазик для мытья посуды и, увидев парня, спокойно, по-домашнему дала ему какое-то поручение. Тетка ушла посмотреть баню. Парились в ней днем, до прихода Веры, а теперь там надо было прибраться и нагреть воду для вечернего мытья.

– Которга какая с этой баней после московской квартиры со всеми удобствами! – сказала Ниночке Вера.

– Мама привыкла жить на природе, в городе ей душно и тесно, – ответила та.

– А ты? Так и будешь здесь жить до конца своих дней?

– Что сбудется, что не сбудется – кто его знает, – сказала Ниночка и поправила свои запотевшие старомодные очки.

– Пойду покурю и буду собираться домой. Уже поздно. – Вера вышла в прихожую и стала собирать свои сумки. Там, «в сенцах», как называла тетка прихожую, на обшитых вагонкой стенах прикреплены были полки, на которых стояли разнокалиберные банки с соленьями. Здесь же висели связки сушеных грибов. Под лестницей, что вела на второй этаж, аккуратно развешаны были березовые веники для парной, около двери красовались олени рога, а в углу стояли старые Ниночкины лыжи да взявшееся бог знает откуда весло. Вера присела на вынесенный сюда много лет назад венский стул с выцветшей обивкой, порылась в своей сумочке, закурила.

«Надо собираться, темнеет», – решила она. Но на душе было смутно, тревожно. С ее места слышался звук капли. С крыши дома звонко падали последние предвечерние капли талого снега, готовые в любой момент превратиться в прозрачные мартовские сосульки. Но пока под снегом еще хлупала готовая замерзнуть вода, и Ниночка подумала, что, если маршрут не придет вовремя, ее сапожки на каблуках могут и не вынести серьезного испытания – путь пешком до станции по разъезженным, полным талой воды колеям.

Дверь открылась, и из комнаты в прихожую вышел парень в старой меховой безрукавке.

«Как прижился-то квартирант! – подумала Вера. – Дядькину безрукавку для него не пожалели!» Она знала, как трепетно относится Ниночка к отцовским вещам. Парень внимательно посмотрел на Веру, прошел на улицу, зажег на сугробах импровизированные фонари и вернулся.

– Зачем? Новый год давно кончился, – сказала Вера.

– В честь вашего приезда, – ответил парень. – Этот свет похож на свет газовых фонарей в конце прошлого века на улицах Парижа.

– Ты был в прошлом веке в Париже?

– Не обязательно быть везде и всегда, – ответил парень и поглядел на Веру насмешливо. – Я видел картины. В альбомах у себя дома. Моне, Сислей, Жан Боро.

Вера не помнила, кто такой Жан Боро и что он написал.

– Ты где-нибудь учился? – спросила Вера после паузы.

– В радиотехническом техникуме, – сказал парень. – У нас в городке выбор учебных заведений меньше, чем в Москве.

Вера загасила сигарету и встала:

– Мне пора.

– Иди сюда, – сказал парень, – на минутку! – Он пошарил рукой на полке и поманил ее на крыльцо. Вера вышла. Чистое весеннее небо леденело, покрываясь густой синей краской. Полная луна уже вышла и повисла над домом, над самой трубой. Капли, случайно упавшие на веранду, застыли и превратились в маленькие ледяные озерки.

– Держи! – сказал парень и сунул ей в руку тоненькую шершавую палочку, чиркнул спичкой.

– Что это? – Вера в сумерках не могла разглядеть.

– Фейерверк в твою честь! – улыбнулся парень, и в ту же секунду Вера поняла и вытянула вперед руку, соединив свою палочку с его, высоко подняв ее, будто шпагу, на манер мушкетерского приветствия. И тут же зажегся в ее руке серебряный фонтанчик бенгальского огня, а потом и второй фонтан у него в руках. И два огня горели над их головами на фоне синих сумерек и сугробов с зажженными светильниками в Верину честь. И все это великолепие сияло почти целую минуту, волшебную минуту, подобной которой никогда не было в Вериной уже состоявшейся длинной жизни. Бенгальский огонь рассыпался в воздухе горячими искрами, нежно покалывал ее незащищенную кожу, и какой-то другой, странный огонь разливался по ее руке, по ее телу, вызывая непонятную, неприятную дрожь. Вот огонь кончился, и от палочек пошел вверх тоненькой струйкой сизый дым. Вера взглянула на парня, он не отрываясь, спокойно и странно смотрел на нее, будто хотел запомнить черты ее лица, чтобы потом их зарисовать.

– Больно! Обожгла, наверное! – поморщилась Вера и потерла запястье.

Парень взял ее руку, подул, посмотрел и осторожно поцеловал место ожога.

– Теперь быстро заживет.

– Уже прошло. – Вера смущенно отняла руку и положила свою палочку на перила. – Спасибо за фейерверк.

В молчании она вернулась в дом, надела шубку, сапожки, отыскала Ниночку, расцеловала ее, заглянула в баню, попрощалась там наскоро с теткой, взяла свою сумку и побежала к дороге. На парня она больше не смотрела, но видела краем глаза, что он все стоит на крыльце и смотрит в ее сторону. Захлопывая за собой калитку, Вера последний раз окинула взглядом расчищенные дорожки, темнеющий куст можжевельника, хорошо слеполенного Деда Мороза в красном тулупе и горящие в ее честь фонари из пластиковых бутылок. Она хотела это запомнить. Никакая Испания, никакой Египет, где Вера была в туристических поездках, не могли сравниться с трогательной простотой русского зимнего дачного пейзажа. А уж что творилось в ее душе, Вера и сама не могла понять.

Ни единой машины на дороге не было в течение сорока минут. Похолодало. Верины сапожки промокли, и она отчетливо ощущала, как замерзают пальцы ног в тонких колготках. Под легкую шубку забирался взявший откуда-то по-зимнему пронзительный ветер, и он же трепал на макушке ее коротко подстриженные волосы.

Вера пошла, спотыкаясь, поскользываясь, пешком в сторону станции. «Возвращаться нельзя!» – думала она, хотя глаза теткинго квартиранта, казалось, так и сверлили, так и прожигали ее насквозь через удалявшуюся улицу, через дома. Эти глаза на расстоянии звали ее, просили, приказывали: «Вернись!»

«Что за глупости, что за романтика! – говорила себе Вера. – Вернуться? С какой стати? Как я буду выглядеть в теткиных, в Ниночкиных глазах? Нина любит этого парня. Тетка нас провоцировала, специально рассказывала обо мне, хотела привлечь ко мне его внимание.

Непонятно только зачем. Чтобы проверить его преданность Ниночке? Но при чем же здесь я? Почему на мне надо ставить дурацкие эксперименты? И наконец, чего это я так разволновалась? Что ж, он красивый, молодой, наверное, страстный. И что?»

Сзади дорогу наконец осветили фары. Маршрутка догнала Веру и сама остановилась.

– Садись до станции! – весело закричал ей водитель. Ему было скучно, маршрутка была пуста. Но, сама не зная почему, Вера вдруг махнула ему рукой:

– Проезжай, не поеду!

– А больше машин не будет до завтра, – закричал ей парень, – последний рейс, я еду домой!

– Проезжай! – опять махнула Вера.

Маршрутка поелозила колесами в колее, выбросила в ноги Вере фонтанчик мокрой снежной крошки и умчалась вдаль.

– Идиотка! – обругала себя Вера, перешла на другую сторону дороги и пошла обратно. Через минуту ее догнала какая-то машина, и вскоре как во сне Вера опять стояла у калитки теткиной дачи.

Во дворе ничего не изменилось, все так же горели фонари, тихо чернел можжевельник, а на перилах крыльца, свесив одну ногу, сидел квартирант в меховой телогрейке и смотрел в Верину сторону. Увидев Веру, он поднялся навстречу, но остался стоять на крыльце.

– Лида где? – спросила Вера без всяких приветствий.

– В бане.

– А Ниночка?

– Ей помогает.

– Я ноги промочила, – спокойно, как будто сообщила, что наступил вечер, сказала Вера. Квартирант взял ее за руку и повел. Сумки Вера бросила в коридоре. Стараясь не шуметь, крадучись, как будто кто-то мог ее видеть, хотя в доме, кроме нее и квартиранта, не было никого, она стала подниматься по скрипучим ступенькам на второй этаж. Квартирант неслышно, как кошка, ступал за ней. В его комнате горела старая настольная лампа под коричневым шелковым абажуром. Вера прекрасно знала и эту комнату, и эту лампу. Когда-то раньше она сама, набегавшись, нагулявшись, летними вечерами пристраивалась в этой комнате к шаткому столу с книжкой, а под абажур роем забивались прозрачнокрылые мошки. Они стучали о стекло лампы, трепыхались, сгорая и падая на черную блестящую подставку, а Вера смотрела на них и думала, что ее-то жизнь, молодая и прекрасная, вся еще впереди.

Как была, в шубке, Вера опустилась на узкую, застеленную мохнатым клетчатым пледом кровать. Парень опустился перед ней на корточки и снял с нее мокрые сапожки. Растер ей ступни, растянул шубку. Вера легла, он завернул ей ноги свободным краем пледа. На столе стояли электрический чайник, чистый стакан, ложка. Парень подошел к нему, стал хозяйничать. Через минуту чайник уютно зашумел, а в стакане наготове темнела кучка заварки, в блюде янтарем желтел мед. Вера закрыла глаза.

«Век бы так лежала, не думая ни о чем. Глупо? Да. Бессмысленно? Да. Но встать не могу, и пусть будет что будет».

Освещение в комнате было неярым, но Вера отчетливо видела каждый сучок на досках желто-коричневого деревянного потолка, мелкого паучка на тонкой ниточке паутинки, дремавшего до весны, пучок зверобоя, повешенный на гвоздик в углу. На деревянном некрашеном подоконнике рядом с пачкой старых газет лежали две погасшие палочки от бенгальских огней.

– А это зачем? – Вера показала на палочки.

– Просто на память. О том, что ты приезжала. – Парень подошел к кровати со стаканом ароматного чая, и пока Вера пила, молча сидел рядом с ней и смотрел, как она, обжигаясь, дует на чай, приподнявшись на локте. Потом он свернул и подложил ей под голову мехом наружу

свою телогрейку, и Вере почему-то уже не было ни странно, ни неудобно и даже казалось, что она знает этого парня целую вечность.

– Мне все равно, что подумают обо мне тетка и Ниночка, – вдруг хрипло сказала Вера. – Но их пока нет. Ритуал вечернего мытья у них затягивается надолго, я знаю.

– То, о чем ты думаешь, вовсе не обязательно, – сказал парень. – Тем более что ты этого и не хочешь.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Ты замерзла, устала и хочешь просто лежать в тепле. В крайнем случае тебе будет приятно, если я буду держать тебя за руку.

– Ты меня недооцениваешь, – сказала Вера. – Я еще хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Он наклонился и поцеловал ее нежно. От него пахло чем-то мужским, запах жженой резины смешивался с запахами одеколона, сухой травы, дерева. Все это создавало ощущение спокойствия, силы.

– Я не буду ничего портить. Мне нравится просто смотреть на тебя. Ты как фарфоровая куколка. У тебя такое же личико, маленькие хорошенькие ручки и ножки, – стал нашептывать он ей в розовое ухо. – Я весь вечер украдкой смотрел, как ты движешься. Как маленькая фея. И эта шубка тебе очень идет.

Вера широко раскрыла глаза. Внимательно посмотрела на парня.

– Несмотря на молодость, ты хорошо знаешь женщин. У тебя было много любовниц?

– Сколько было, все мои, – улыбнулся он. – Но не беспокойся, зачем мне тебя соблазнять. Для того, о чем ты думаешь, есть много других. В моем городке строгие правила, но здесь у вас девчонки свободно гуляют с парнями, и я могу иметь любую из них, какую захочу.

В его голосе послышалось что-то вроде пренебрежения к свободным нравам и ко всем здешним устоям жизни. Вера протянула руку и пальцем провела по его лицу. Между носом и углом рта, вдоль сухощавой щеки, у него уже ясно обозначилась морщинка.

– Никто не виноват, что так получилось, – сказала она. – В том, что ты приехал сюда. Ты еще очень молод. Тебе надо выкарабкиваться в жизни, учиться.

– Я мужчина, ты женщина, – сказал он. – Возраст не имеет значения. Не давай мне советы, я знаю все сам.

– Ты типичный мужчина, – усмехнулась Вера, убрала руку, подложила ее себе под голову и стала внимательно рассматривать его лицо. Не укрылись от нее несколько небольших шрамов над левой бровью, длинные пушистые девичьи ресницы, обрамлявшие темные, изнутри горящие глаза, вылепленные четко скулы, прямой нос с острым кончиком хрящика и хорошей формы продолговатые губы, сложенные в спокойную улыбку, без превосходства, без насмешливости.

– Я хотел, чтобы ты вернулась, – сказал он. – Я хотел, чтобы ты лежала здесь, вот так просто, на этой кровати. Ты – чужая женщина. Мне это нравится.

– А Ниночка? Она ведь любит тебя?

– Если она захочет, я женюсь на ней, – спокойно ответил он. Помолчал, потом еще раз наклонился и поцеловал Веру. Она почувствовала, это был прощальный поцелуй.

И вдруг на лестнице раздались быстрые шаги. Отворилась дверь. Ниночка возникла в проеме в сиреновом банном халате, с чалмой из полотенца на влажных волосах.

– Если пойдешь на ночь мыться... – начала говорить она весело и осеклась на полуслове, увидев лежащую на постели Веру, наклонившегося к ней парня, – то баня в твоём распоряжении. – Конец фразы был сказан уже ничего не значащим, обыденным тоном. Лицо Ниночки стало спокойным и твердым как мрамор.

«Что я наделала?!» – ужаснулась про себя Вера.

– Ниночка! – затараторила она. – Я здесь случайно, не могла добраться до станции, потеряла ключи от квартиры! – Она лепетала первые попавшиеся на ум слова.

– Прекрасно. Оставайся у нас до утра! – сказала ей Нина и вышла из комнаты. На квартиранта она даже не посмотрела.

Он встал с постели, подошел к окну, постоял там молча. Потом вернулся, погладил Верину руку:

– Ничего, она посердится и отойдет, не волнуйся.

Вера села на кровати, надела сапожки. В кармане шубки запыкало. Вера вздохнула, достала из кармана телефон. Сердце ее еще колотилось, но очарование пропало. Все было кончено, Вера вернулась в свою жизнь.

– Слушаю, – произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Верка, ты что, с ума сошла?! – раздался в трубке голос Димки, мужа. – Где ты застряла, ночь на дворе! Родители беспокоятся, я есть хочу!

– Я не могу добраться до станции, дороги развезло, маршрутки не ходят, – сказала Вера. Краем глаза она видела, что парень вышел из комнаты, чтобы не мешать разговору.

– А на фига ты поехала, – коротко сказал Димка и перед тем, как дать отбой, добавил: – Собирайся, я еду. Через полтора часа буду.

– Не гони! – хотела было сказать Вера, но в трубке уже послышались гудки.

«Черт побери, – сказала она себе. – Бывает же в жизни такое! Психолога бы, француза сюда. Пусть бы разобрался, что со мной случилось. Что за наваждение... Ведь я не девчонка, а вот поди ж ты, зачем я вернулась? И Нину обидела. Как теперь тетке в глаза посмотрю?»

Она спустилась. Тетка сидела за столом, на котором красовался привезенный Верой торт, и пила чай из самовара, Ниночка что-то штопала. Заревом в углу разливался черно-белый телевизор.

– Я не могла добраться до станции, – еще раз сказала Вера. – Не помирать же на улице. Димка скоро приедет за мной.

– Ночевала бы до утра, – засмеялась тетка и налила Вере чаю. – В комнате у квартиранта! – По лицу ее было видно, что она нисколько не сердится, а даже как будто ее вся эта ситуация забавляет. – Может, закусить опять хочешь? Или чаю? Нинка, угощай. И наливка осталась.

– Пожалуйста, не надо! Я не хочу!

Ниночка встала и собрала на стол.

– Ты не хочешь, может, он поест, – сказала она. – Молодые парни всегда хотят есть. Им надо быть сильными. – Но парень тоже за стол не сел.

Вера попила чаю, походила по комнате. Тетка устала, ушла к себе спать. Нина стала смотреть фильм. На минуту парень возник на пороге, посмотрел Вере в лицо, приглашая во двор, но она отвернулась. Он исчез. Вера взяла с тумбочки пачку газет, нашла среди них свое издание, начала читать свою статью. Но смысл написанного ею ранее теперь не доходил до нее.

«Ну, собственно, что такого? Какое преступление я совершила, что она не разговаривает со мной? – стала злиться Вера на Ниночку. – Все равно этот парень ей не подходит. Ловелас какой-то. Через неделю он, даже если и женится, ее бросит». Но сами эти мысли были настолько бессильны и тяжелы, что Вера очень обрадовалась, когда с улицы донесся знакомый шум Димкиной «Нивы».

– Извини, – сказала она Ниночке. – Дурацкий получился день рождения, но я не хотела его испортить, все как-то произошло само собой. Не сердись!

– Не в первый раз, – сказала Ниночка и посмотрела в стену. – Счастливо добраться, Диме привет.

Вера вышла из дома. Праздник был окончен, фонари погасли. Димка нетерпеливо биби-кал, не вылезая из своего стального коня. Вера молча села на переднее сиденье.

– Повеселилась?

– Угу.

– Хорошо тебе. А я целый день не евши, не пивши.

– Теперь уж до дома.

Димка чертыхнулся, пробормотал: «Не хватало еще тут увязнуть», – поменял передачу и через десять минут, облегченно вздохнув, выехал на Ярославское шоссе. Он мчался, как всегда, в крайнем ряду, навстречу ему в темноте проносились такие же слепящие фарами чудища, и в другой день Вера обязательно закричала бы, чтобы он сбавил скорость, но сейчас она ехала молчаливая, опустошенная, и почему-то ей было все равно, что с ними случится.

Благодаря такой скорости в собственный двор они завернули уже через час.

– Просыпайся, приехали! – сказал ей Димка и выпрыгнул из машины. Вера тоже вышла, оправила шубку, позвонила матери:

– Лешка спит?

– Спит. – В голосе матери слышался упрек.

– Ну, мы тоже дома. Спокойной ночи. – И, не дослушав рассуждения о том, что не всегда же нужно бежать черт знает куда по первому велению сердца, будто ошпаренная кошка, Вера выключила телефон.

Во дворе были, как всегда ранней весной, грязь и лужи, прошлогодние окурки, собачьи кучки, повывлезавшие из-под снега. На остатках растаявшего сугроба красовалась чья-то выброшенная после Нового года елка с обрывками серебряной мишуры, а в глазах у Веры все стояли высокие сугробы в теткинском дворе с зажженными огнями в ее, Верину, честь. Она потрогала запястье. Чуть пониже браслета часов краснело небольшое пятнышко ожога от бенгальского огня. Вера поднесла руку ко рту и полизала место ожога. Ей захотелось, чтобы ожог поскорее зажил, а пятнышко бы навсегда осталось на память.

Через пятнадцать минут Димка жадно поедал на кухне пельмени, а Вера смотрела на него и думала, как хорошо, что магазинные пельмени стали съедобными и не надо долго возиться на кухне. Увидев, что он не наелся, она бросила в кастрюлю еще одну пачку, раскрыла новый пакет со сметаной, заварила чай.

– Дима, – наконец спросила она, по замедленным движениям вилки определив, что муж насыщается, – как ты считаешь, бывает ли на свете любовь без секса?

Димка поперхнулся, закашлялся, посмотрел на нее.

– Откуда такие мысли?

– К нам в редакцию психолог сегодня приходил. Он утверждал, что бывает.

– А сколько ему лет?

– Лет семьдесят, наверное. Но у них, у французов, не поймешь, может, ему и все девяносто.

– Да он импотент по старости, твой психолог. Ему только любовь без секса и осталась! – авторитетно заявил Димка и шумно допил чай. – Посуду помоем завтра с утра, а сейчас – баиньки! – Он с грохотом сбросил тарелки в раковину и притянул к себе Веру. – Пойдем скорей! Лешки нет, я соскучился!

– Сейчас иду, – ответила Вера и, вздохнув, отправилась в ванную.

Тетке она позвонила только на майские праздники. От нее она и узнала, что Ниночка и ее квартирант уехали в Ярославль. Он там устроился на более-менее выгодную работу. Ниночка при нем якобы в роли жены.

Февраль 2002 года

Женись на мне

- Мне хочется поехать к тете Вале. Я соскучилась по бабушкиному дому.
- А деньги у тебя есть?
- Немного есть.
- Тогда поезжай. Жаль только, что пропустишь английский...
- Только одно занятие, мама! К понедельнику я вернусь!
- Поцелуй от меня Валю. Гостинцы я соберу. Да, будь осторожнее в электричке!
- Не беспокойся, ехать-то всего три часа!

Майское солнце в Далеком Поле резвилось в преддверии лета. Заливало теплом двухэтажные старые дома с покрашенными к прошедшей Пасхе рамами. Раскалились от его жара деревянные ступени крылечек. Буйствовали лютики по берегам заросшего травой неспешного ручья.

Маша шла легко по дощатому деревенскому тротуару, и розовые головки клевера касались концов ее шелковых брюк.

Да, этот светлый салатный оттенок ее брючного костюма был настоящей находкой для этого лета. Лиловая блузка да плетеная сумка сгодятся и для института, и «куда-нибудь еще». Маше было покойно, весело и привычно.

Яркий денек! Как не хочется уезжать! Она сняла солнцезащитные очки и внимательно посмотрела на клубную афишу. Опять, кроме боевиков, ничего!

– Девушка, – раздался сзади негромкий голос, – если вам случится выйти замуж не за меня, я просто умру от горя!

Маша с удивлением обернулась. На ее лице ясно читалось: «Ого! Сколько же ему лет?» Худощав, невысок. Глаза голубые, добрые. А на лбу заметные залысины и возле рта глубокие складки.

– Вы хотели пригласить меня в кино?

Он не ожидал, что она поддержит разговор. Оторопел. Видно, хотел просто безответственно поохмить в такую теплынь. Думал, что если ему полтинник, так она и разговаривать с ним не будет...

– Я хотел бы, конечно, как всякий имеющий глаза мужчина, пригласить вас в кино, на концерт, в казино или на вручение «Оскара», но здесь всего этого не предвидится. А боевик – дрянь, я его уже вчера посмотрел.

– Что ж, дрянь – значит, дрянь...

Почему же она не уходит? Что может найти в старом хрыче красивая девочка со стройной фигуркой, с изящной, гладко причесанной темной головкой?

– Просто не понимаю, почему за вами нет толпы поклонников с фотоаппаратами.

Она посмотрела прямо и без кокетства спросила:

– Вы живете в этом городе? – Голос – флейта.

– Нет, приехал на текстильную фабрику в командировку. А вы?

– А я погостить к тете. Разве еще есть люди, которые ездят в командировки в такую глушь, а не за границу?

Неглупа. Мила. Откуда же такое сокровище?

Улыбка доверия.

– Я из Москвы. Учусь на филфаке, в педагогическом.

– Я тоже.

Какой идиот! Хотел сказать, что тоже из Москвы, а получилось, что тоже с филфака. «В твои-то годы смущаться перед девчонкой, стыдись!»

Она засмеялась.

– Здесь хорошо, правда?

Еще полчаса назад здесь было омерзительно. Зарплату на фабрике платили простынями и полотенцами, а последние месяцы не платили вообще. Половина станков устарела, другая половина простаивала без сырья. Детский сад закрыли, на складе протекла крыша. Директор утратил всякое чувство реальности и, как заклинатель змей, лишь повторял одно и то же:

– Вы – головное предприятие, вы за все и будете отвечать!

Какого черта он согласился сюда приехать? Решили заткнуть им эту дыру. А он, между прочим, отвечал за внедрение в производство новых технологий. Как можно внедрить новые технологии в убыточное производство без идей, без денег, без рекламы, он понять был не в силах. Поездка изначально должна была оказаться провальной, но все-таки он не думал, что она будет такой тяжелой. И вот теперь, в продолжение всех злоключений, он стоит в мятых брюках посреди цветущего клевера перед незнакомой девочкой со все понимающим взглядом и чувствует себя совершенно полным идиотом.

– Ну правда же здесь хорошо?

– Здесь восхитительно!

Они дошли до реки и долго стояли на мостике, глядя вниз на быстро текущую воду. У него от волнения замерзли руки в такую жару, и он грел их о раскаленные солнцем деревянные перила. А по берегам реки жужжали пчелы над белыми дурманящими зонтиками растений. Они стояли на середине моста, смотрели друг на друга и хохотали как помешанные. Над чем? Он, сколько ни вспоминал потом, не мог вспомнить.

– Как вас зовут?

– Григорий.

– А я – Мария.

Назад в Москву они возвращались вместе.

Маша... Машенька...

Как любил я гладить твою темноволосую головку! Целовать осторожно твои брови, и веки, и кончик носа. Как умилялся я хрупкости твоих черт и овалу лица!

Толстая тетка из бухгалтерии встретила нас на автобусной остановке со всем пылом напускной доброжелательности:

– Как дочка-то ваша выросла, Григорий Алексеевич, дорогой! Как время бежит! Должно быть, невеста! Ну просто копия – жена ваша в молодости!

– Первая жена или вторая? – тупо любопытствовал я.

Маша заливалась как колокольчик:

– Как, скажи мне, могу я быть похожа на твою жену, на первую или на вторую, если они у тебя обе голубоглазые знойные блондинки?

– Маша, Машенька, я выгляжу как старик!

– Я люблю тебя!

– Не смейся! Как получилось, что у тебя, умницы и красавицы, нет приличного ухажера? У моего лягушонка, Ляльки, парней целый класс, а ведь ей только пятнадцать!

– Как нет приличного ухажера? А ты?

– Радость моя, ненаглядная, я не в счет. Я стар для тебя, я уродлив. У меня две жены, две дочери от разных браков. Я беден как церковная мышь! У меня нет денег даже на то, чтобы отвезти тебя домой на такси...

– Ты – самый лучший для меня, самый добрый, самый красивый!

Все бульвары Москвы – наши! Все площади – наши! Какое счастье, что фабрика моя не работает! Но для жены я каждый божий день хожу на работу! С утра брожу бесцельно по улицам, иногда по тем самым, где гуляли с тобой накануне. Ревниво ловлю следы, сам воздух тех

мест, где были вчера. Но не хочу, чтоб ты пропускала лекции. Маша – старательная студентка. Три раза в неделю, по вечерам, она посещает английскую школу. В эти дни я работаю сторожем в вонючем кооперативном гараже на краю города. А где я могу еще работать? Я бессилен, трухляв и ни на что не годен! Дорогу молодым и зубастым! Нельзя сказать, что я не ревную к ее молодости. Ревную ужасно! К каждому прохожему, бегло взглянувшему на нее, к каждому прыщавому юнцу! Но даже ревностью этой я счастлив. Я хорошо знаю, что замуж она должна выйти не за меня. Я твержу ей без устали, что она бесценное сокровище и она должна думать о том, чтобы как можно лучше устроить свою судьбу.

На Юго-Западе ее институт. Трава уже пожухла, а клевер еще цветет. Цыгане раскинули на газоне свой табор и ловят прохожих за руки:

- Да-ра-гой, давай па-га-даю!
- Ну уж нет! Ничего не хочу знать! Слишком счастлив я тем, что имею!
- Ой, дяденька! – слышу вслед. – Знай, что будешь женат на молоденькой!
- Нет, не возьму греха на душу!

Вон она идет после занятий в толпе своих сверстниц, и я удивляюсь, почему каждый имеющий зрение представитель сильного пола не пожирает ее вожделенно глазами. Удивительно, но, как я заметил, она не пользуется особым успехом. Не кокетка, в этом все дело. Не вскидывает в изумлении брови, не размахивает руками... Вот она тихонько задерживает шаги и сворачивает в мою сторону. Не могу удержаться, под еле сдерживаемое презрительное фырканье ее подружек целую у всех на виду. Господи, я готов ее нянчить, баюкать, водить к врачу, вытирать сопли, но она хочет другого.

– Женись на мне!

– Не могу! – У меня нет своего жилья, одежды, еды, денег, а есть только бесконечная возвышенная любовь к ней, но я не хочу, чтобы она принимала это всерьез. Она должна жить своей жизнью.

Осенью она носит на голове платок. Вишневый. По-бабьи повязывает его на свою прелестную головку. Ей все идет, она ведь красавица! Два дня в неделю по утрам у нее нет лекций. Она отводит сестренку в школу и возвращается домой. Я уже жду ее в подъезде, на лестнице. Ее мать на работе, и я, старый паршивый кот, на какие-то несчастных четыре урока, которые проводит в школе ее сестра, ворую это сокровище. Мы теснимся на узком, неразобранном диване в их детской комнатке, иногда даже не снимая одежды.

В их доме всегда прохладно. Маша часто бывает нездорова, и тогда я кутаю ее в одеяло и пою чаем с малиной, которую заботливо кладет в баночку мне моя жена, чтобы я не очень мерз в своем гараже. Как Машенька рассказывает мне о книгах! А ведь я когда-то тоже все это читал. Не понимаю, как она будет работать после окончания института с нынешними обалдуями? Ведь они же слова не дадут ей сказать! Любой тринадцатилетний придурок сможет заткнуть ее не задумываясь! Придется мне сидеть с ружьем на задней парте. Она смеется:

– Не преувеличивай. Я нормальная. Я сильная. Когда мой отец ушел в другую семью, Наташке было всего два года. Маме пришлось работать, а я сестренку растила. Одной рукой рисовала кукол, а другой – писала сочинения по литературе. Кстати, если бы ты женился на мне, с твоими дочерьми тоже ничего бы не случилось. Одна дочь у тебя уже замужем, да и другая тоже не маленькая в пятнадцать лет. А жену твою мне не жаль, она ведь тебя давно уже разлюбила!

– Почему ты так думаешь?

– Чувствую! Когда любят, не называют бездельниками, дармоедами, неудачниками. Хотя, по совести говоря, я тоже не понимаю, почему ты опустил руки. Ты такой умный, сильный! У тебя столько изобретений! Ты кандидат наук, наконец! Почему ты не можешь пробить себе место под солнцем?!

– Миленькая моя! Я не знаю, что ответить тебе на это. Слишком много, наверное, растратил в молодости: сначала институт, потом аспирантура, работа, ночные посиделки с сигаретами и вином, институтские сплетни, «Голос Америки», песни под гитару, ожидание ветра перемен... Одновременно с этим женитьбы, разводы, дележка имущества, склоки, болезни родителей, двойки детей... И я устал от всего. Ни на что не способен. Ты моя абстрактная радость, последний всплеск жизни, и я понимаю, что не имею на тебя никакого права...

– Но ведь сейчас все женятся на молоденьких! Посмотри, сколько артистов, политиков старше тебя, а женятся на двадцатилетних! Я хочу иметь с тобой общий дом, ждать тебя с работы, ставить на стол перед ужином вазочку с ландышами... Хочешь, уедем в деревню, в Далекое Поле, к тете Вале? Там тебе от фабрики дадут маленькую квартирку, а нам и не надо пока большую... Ну, хочешь?

– Глупенькая моя!

Вазочку с ландышами она купила на свою стипендию на Измайловском вернисаже. Китайская штучка. Вазочка голубого фарфора, а в ней букет ландышей. Белые чашечки покачивались на зеленых стеблях в обрамлении темных листьев. Когда Маша смеялась, мне казалось, что чашечки звенели ей в тон. Вазочка хранилась у меня в гараже. Зимой после занятий она приходила ко мне на работу в блестящей, бабушкиной еще, шубке из котика и в своем вишневом платке, заваривала чай из пакетиков, пахнувший персиками и лимоном, доставала свою вазочку из обшарпанной тумбочки, садилась рядом и могла любоваться на нее часами.

Я угощал ее яблоками, душистым азиатским апортом с глянцевыми темно-красными боками. Ходить утром на рынок за яблоками отныне стало одним из моих удовольствий. В ожидании вечера я слонялся между пестрых рыночных рядов, любовался желтизной лимонов и зеленью петрушки и покупал самые красивые на всем рынке яблоки.

Первой о моем романе узнала жена. То ли случайно увидела, то ли кто-то рассказал, а скорее всего – через фабрику. Какая мне была разница, откуда она узнала, отпираться все равно не имело смысла. Последовал грандиозный скандал с участием моих старых и больных родителей и бывшей жены. Также, видимо, для того, чтобы мне было очень стыдно, был привлечен и муж старшей дочери. Все они меня с дружеским участием увещевали и говорили, что все пройдет, все образуется и будет по-прежнему. Жены, бывшие соперницы, объединились, чтобы наставить меня на истинный путь! Лялька перестала со мной разговаривать и начала меня презирать. Я понимал, что они все правы, но сделать очевидный шаг не хотел. Я оттягивал – вот еще раз увижу Машу... Вот еще денек буду с ней... Вот еще...

Жена пригрозила разводом. Пришлось мне на время исчезнуть из дома. Акт сам по себе бессмысленный, так как деваться мне все равно было некуда, но на жену мое отсутствие в течение нескольких дней произвело невыгодное впечатление. Она поняла, что перегнула палку. Видимо, она все-таки очень боялась остаться одна. Другого объяснения у меня не было. Как не было от меня и пользы, последние годы – практически никакой.

И вот как-то утром жена заявила в гараж и напористо объявила, что великодушно меня прощает. Когда-то я очень любил эту свою жену и из-за нее даже развелся с первой, которую, впрочем, когда-то тоже сильно любил. Но сейчас, по сравнению с Машей, она казалась мне просто невыносимой бабищей.

– Потерпи, – сказал я жене. – Скоро это как-нибудь кончится. Может быть, я умру, а может, Маша моя выскочит замуж. Разводиться с тобой я не буду.

После этих слов мне пришлось замолчать, так как я не знал, что еще сказать.

– Ты подлец, – сначала храбро заявила жена, а потом заплакала. – Все-таки возвращайся домой, мне без тебя очень тоскливо!

– Куда я денусь... – ответил я и участливо погладил ее теплый бок. Но когда она ушла, я почувствовал неимоверное облегчение.

После этого обо всем узнала Машина мать. Ей, не выдержав, рассказала сама моя девочка. И вот однажды, когда я утром позвонил в дверь ее квартиры, открыла не Маша, а незнакомая мне женщина.

Во всяком случае, по возрасту ее мать больше подходила мне в любовницы. Ей было лет, наверное, сорок с небольшим хвостиком. Как у Маши, глаза были темные, фигура стройная, кожа гладкая, но было видно по каким-то необъяснимым признакам, что этой женщине самой приходится бороться за жизнь. От моего неказистого вида Машина мать испытала настоящий шок. Минуты три мы обменивались ничего не значащими фразами, а потом она взялась за ручку двери.

– Маша просто вся извелась, – сказала она мне на прощание. – Уж вы бы определились, Григорий Алексеевич, «да» или «нет».

И она ушла. Тактичная женщина. Другая бы закатила скандал и была бы права.

– Видишь, ты понравился моей маме!

Наивная девочка.

У Маши ангина. На тумбочке в стакане стоит полоскание, под мышкой градусник. Я грею ей молоко и запихиваю в ломтики белого хлеба кусочки чеснока. Меня самого так лечили еще во времена сталинского режима. О моей домашней эпопее с ночевками в гараже Маше ничего не известно. Так же, как ей ничего не известно о том, что моя Лялька не называет меня иначе, как в третьем лице – «он». Маша сидит на диване, обложившись горой учебников. Я подтыкаю под нее сползшее одеяло и пристраиваюсь рядом на полу со своими бумажками. На моей фабрике наконец-то нашли кое-какие деньги на реконструкцию, и я знаю, как надо изменить одну штучку, чтобы наш станок стал намного производительнее, чем итальянский. Маша читает книжку и гладит меня по остаткам волос.

– А где же твои друзья, Машенька? Почему к тебе никогда никто не приходит?

– Кто будет ко мне приходить? У нас в институте каждый сам за себя. Все живем в разных концах города, да и времени нет ни у кого. Многим приходится подрабатывать.

В наше время просто невозможно было болеть одному. Тут же слетались товарищи и подруги, начиналась веселая кутерьма, кто-то бежал в магазин, и лечение начиналось с бутылки перцовки. Заканчивалось шампанским, часто уже с утра.

– Но ведь есть же у тебя какая-нибудь подруга?

– Подруга замуж вышла. У нее другие заботы.

– А мальчики?

Никогда не видел прежде у нее эту горькую морщинку у губ.

– Я так называемых мальчиков с некоторых пор боюсь. Аборт – это, знаешь ли, очень больно. А когда выходишь из больницы и оказывается, что твой парень уже влюблен в другую, и хочет создать с ней семью, и уже подал заявление в загс, а невеста – твоя подруга, и они вдобавок еще будут венчаться, желание общаться с «мальчиками» пропадает совершенно.

– Бедная моя! Ты все еще его любишь?

– Нет, что ты! Я его и не любила так, как тебя. Никто и никогда не заботился обо мне так, как ты. Даже мама. Я для нее прежде всего – старшая дочь, помощница. Иногда – подруга.

– Девочка моя!

Я прижимал к себе ее голову и покрывал поцелуями, но думал о дочери. Как безрассудно Лялька обращается с парнями! И, кроме меня, некому ее приструнить! А меня она совершенно не слушает!

Машин голос журчит. С горьким привкусом водичка в этом ручье.

– Сейчас ведь почти никто никого не жалеет. И я тоже жалею не всех. Только тебя, Наташку и маму. Поэтому я и хочу, чтобы ты женился на мне.

Я отвожу глаза. Ее сестра скоро вернется из школы. Мне пора уходить. Вдруг она меня здесь застанет?

- Скажешь, что ты доктор из поликлиники!
- Какой доктор! У меня и халата-то нет!
- Кто же из докторов сейчас ходит в халате?
- Ну вот! Звонят в дверь!
- Кто же это? Для Наташки еще рановато!

Я иду открывать. Перед дверью приятный парень. Две тетрадки в руке. Немного странная речь, с акцентом.

- Маша Гончарова здесь живет?
- Здесь.

Маша встала, смутилась. Они немного поговорили по-английски. Я посмотрел на них и понял, что вот и явился наконец тот, кого я ждал, кому смогу доверить свое сокровище, свою последнюю любовь. Я попрощался. Машин голос был тревожен и нежен.

– Не уходи, Григорий! Это всего лишь Питер, он декан в моей английской школе! Он пришел узнать, почему я две недели не хожу на занятия!

– Какой молодец! – На его месте я пришел бы еще неделю назад. – Все хорошо, моя девочка! Поправляйся, я зайду к тебе завтра.

Рука у него была крепкая. Как у любого хорошего парня, пускай и американца.

– Позанимайтесь с моей племянницей, Питер! Я беспокоюсь, как бы она не отстала от коллектива! Я на вас очень надеюсь!

Хорошо, что водку теперь продают на каждом углу!

– И стаканчик, пожалуйста! Что, девушка, никогда не видели, как хлещут водку с утра из бумажного стаканчика, не закусывая? Ну не могу пить из горлышка, хоть убей!

Вот и зима прошла. В феврале была долгая оттепель. Сосульки падали с крыш, и чирикали воробьи, и бегали собаки, распушив хвосты, оставляя на снегу грязные отпечатки лап. Я день-деньской скреб лопатой в своем гараже, убирая остатки снежной каши с подъездных путей. Маша пришла ко мне с утра. Видно, не пошла на занятия. Лицо у нее было бледное, под глазами сиреневые тени. Все равно красивее ее никого не было на земле.

- Ты больше не приходишь, Григорий! Мне без тебя очень плохо!
- Питер приходит!

Голос-флейта может разжалобить мертвого.

– Гриша, ты ведь знаешь, что мне никто не нужен, кроме тебя!

– Этот парень хочет на тебе жениться. Ты должна принять его предложение. Для тебя уехать в Америку – самое лучшее! И твоя мама приходила, просила, чтобы я не встречался с тобой больше. Да я и сам не хотел! Так будет лучше, поверь мне, Машенька! Ну, иди! Пора заканчивать разговор, видишь, сколько у меня еще работы?

– Давай я тебе помогу! Я очень люблю чистить снег! Мне это нисколько не повредит! Ну, пожалуйста, Гриша, позволь мне остаться!

– Не надо. Иди! На вторую пару еще успеешь!

– Ведь я люблю тебя! А ты меня гонишь, сам не зная куда!

– Маша, я вернулся к жене. Я с ней ем. Я с ней сплю.

– Я хотела бы думать, что ты такой же подонок, как все, но я знаю, что ты гонишь меня от бессилия! А уж в то, что ты спишь с женой, я вообще никогда не поверю! У тебя и со мной-то не всегда получалось, а уж с ней и тем более... Наверное, раз в год, по привычке! Это все чепуха! Я и не ревную совсем, меня это даже не злит...

– Маша, иди! – Мой голос строг, как у преподавателя.

– Значит, хочешь сбегать со мной к этому американцу, как сутенер передает проститутку из рук в руки? – Вот наконец и вскинула гордо головку моя птичка. Загорелись гневно глаза.

– Не сбегать, а замуж!

– Это мама сказала тебе, что он хочет на мне жениться?

– Да, она это сказала. Но я это еще раньше понял, когда видел его в первый и последний раз.

– Но ведь ты говорил, что никого не любишь так, как меня?!

– Маша, иди! Я устал. Когда пройдет время, ты поймешь, что большего для тебя, чем сейчас, я сделать просто не мог! Прости меня, что остановил тебя тогда в Далёком Поле. А Питер – хороший парень! И маме твоей он, я уверен, понравился. К тому же он, как и ты, педагог. У вас будет много общего. Он поможет тебе с работой. Не за нового же русского тебе выходить! А одной в нашем волчьем мире тебе не выжить!

– Ну а ты? Я не хочу уезжать! Неужели ты не можешь ничего для нас сделать?

– К сожалению, ничего.

Она помолчала. Не стала плакать, моя умница. Сказала только:

– Прощай, Гриша!

– Прощай, моя девочка! Будь очень счастлива! Меня прости. Я буду благодарен тебе до самой смерти, что ты была со мной! Я очень виноват, но сделать ничего не могу!

Она ушла. Я стал скрести снег. Я буду так скрести и скрести. Вон его еще сколько осталось!

И я жил. Худо-бедно, но жил. Ходил на фабрику. Понемногу она все-таки начала работать. И шерстяные ткани нашей фабрики были лучше импортных и дешевле. Стали к нам приезжать иностранцы, покупать продукцию, вести переговоры о совместном производстве. Появились и у меня небольшие деньги. Но настоящая моя жизнь была в гараже. Днем я махал метлой, а вечерами пил чай с ароматом персиков да как дурак смотрел на букетик ландышей в голубой вазочке. Еще я развлекался тем, что кормил собак. Тимка был мой любимец. Он был черной дворнягой с симпатичной веселой мордахой. Обожал класть голову мне на колени и подсовывал ее под руку, чтобы я его гладил.

Весной в гараже пели соловьи. Совсем рядом, по ту сторону забора, было старое кладбище. Они вили там гнезда. И в мае они заливались трелями так, что у меня заходило сердце.

Ровно год прошел, как я познакомился с Машей. Я знал, что она вышла замуж. Закончился учебный год и в ее английской школе, и в институте. Муж увез ее показать ей свою далекую Америку, и в Москве Маши уже не было. Я ощущал ее отсутствие всем существом, как собака, будто с пересечением многих границ она выпала из моего жизненного пространства и умчалась куда-то в космос, куда улетают все души умерших.

Летом в гараже было жарко. Потом наступила осень. С ней пришли совсем черные дни. Внезапно навалилась тоска, глухая, как боль, что возникает за грудиной и ползет по руке, немея в пальцах. Тогда я ложился на топчан и незрячими глазами смотрел в потолок. Через несколько часов боль куда-то уносилась сама. Жена говорила, что надо класть под язык валидол, но я не хотел. Бог с ней, с болью, с женой, да и с валидолом. Впрочем, никакого валидола у меня все равно не было. И я засыпал под лай собак и тиканье старых, кем-то выброшенных на помойку и подобранных мной ходиков.

В один из таких тяжких осенних дней и возникла в дверном проеме моего гаража Машина мама. Я ее не звал. Я даже не хотел думать о том, зачем она пришла, и в то время, как руки мои автоматически наливали ей чай, я вспоминал, каким образом Витька, сосед, умудрился разбить весь перед у своих «Жигулей», будучи даже не сильно пьяным. Пока я это обдумывал, Машина мать достала из сумки тонкую пачку писем и отдельно плотный длинный конверт с официально напечатанным адресом. Она развернула этот конверт, и какие-то звуки наконец достигли моего слуха. Я услышал, что она плакала. Я взял у нее из рук официальную бумагу и прочитал. Это было письмо.

«Дорогая госпожа Гончарова, – было выведено жирным шрифтом в первой строке, – в ответ на Ваше обращение сообщаю Вам, что Ваша дочь Мария Гончарова-Фэрли выехала из

нашей квартиры в Гринвуде, пригороде Нью-Йорка, два месяца назад и до сих пор не известила о месте своего пребывания. Из полиции, куда я обратился за помощью, чтобы разыскать ее, мне сообщили, что Ваша дочь работает моделью топлес в Нью-Йорке, в одном из ночных клубов. На мое предложение вернуться домой Ваша дочь ответила категорическим отказом.

В связи с этими событиями уведомляю Вас, что по моей просьбе адвокатская контора «Томпсон, Бейкер», Гринвуд, начала дело о разводе с Вашей дочерью. Об исходе этого процесса Вы будете уведомлены юристом этой фирмы.

Ваш зять, Питер П. Фэрли, с уважением».

В тот день, когда Питер П. Фэрли в первый раз появился перед моими глазами собственной персоной с двумя тетрадками в руке, моя Маша сидела на диване, укрытая одеялом от грядущих бед. Как-то само собой запомнилось, что в тот день она была в тоненькой кофточке в наивный розовенький цветочек, по иронии судьбы сшитой из ткани нашей фабрики. Тонкие руки ее держали учебник, а губы дрожали от смеха. На мгновение я представил ее топлес на маленькой круглой сцене, в слепящих огнях душного ночного клуба, и почувствовал, что могу задохнуться. В моем воображении она танцевала, но губы ее все дрожали, только уже не от смеха. Я будто слышал, как она укоризненно шептала, обращаясь ко мне: «Что же ты сделал, Григорий...» Было бы вернее шептать, что я, осел, ничего не сделал!

Вдруг маленькая сцена с танцующей Машей начала быстро вращаться и скоро слилась в пестрый кровавый круг. Я помнил, что еще услышал над собой голос ее матери, прежде чем провалился в центростремительную, мчащуюся на меня дыру.

Машина мать вовремя вызвала «Скорую». После инфаркта в течение четырех месяцев меня выхаживала собственная жена. Когда же я наконец, опираясь на палочку, снова появился на фабрике, меня, оказывается, там очень ждали. Едва я вошел в свой тесный, заваленный бумагами кабинет, в нем возник низенький, похожий на обезьяну господин в прекрасном, очень дорогом костюме. Без предисловий он протянул мне свою карточку и спросил, действительно ли я являюсь единственным автором изобретения номер 1125/18, зарегистрированного в январе прошлого года. Я посмотрел на него внимательно и спросил:

– Ну?

Он сразу понял, что не стоит тянуть резину, и без обиняков сообщил мне, что он готов купить все права на это изобретение за кругленькую сумму. Я хорошо представлял, какой доход его фирме может принести эта изобретенная мной у Машиной кровати штука под номером 1125/18, и поэтому предложил ему прибавить к названной им сумме два нуля, оформленную в течение трех дней въездную визу в США, якобы по делам его фирмы, и билет до Нью-Йорка.

Видимо, он был хорошим физиономистом. Он посмотрел на меня и без дальнейших обсуждений сказал, что согласен. Через три дня конверт с визой, билетом и банковской карточкой был у меня в кармане.

Половину этой суммы я оставил жене. Сначала от свалившихся с неба денег она не могла прийти в себя. По прочно укоренившейся у бедняков привычке экономить она еще долго смущенно жалась, выбирая между автоматической стиральной машиной и видео. Тогда без лишних слов я купил ей и то, и другое, и еще пушистую норковую шубу в придачу.

– Теперь домой? – спросила сквозь слезы благодарности жена, прижимая к груди объемистый мягкий сверток.

– Мне надо слетать в Нью-Йорк, – ответил я, и она онемела.

В самолете я всю дорогу спал. В Рейкьявике, пункте кратковременной остановки, шел дождь. В Исландии, оказывается, тоже есть русская водка. Я выпил в баре в аэропорту стаканчик. В Нью-Йорке после освобождения из-под контроля я взял такси и поехал в бюро по рекомендованному мне адресу. Там меня ждали переводчица и частный агент. Его звали Джим. Он сидел за компьютером и смотрел на меня умными карими глазами. Я пожал его темно-коричневую, красивой формы художавую руку. Пока он работал, я приличия ради облетел на прогу-

лочном вертолете статую Свободы, но ничего не понял и никаких впечатлений не получил. Все мои мысли были заняты Машей. Вернувшись к бюро, в ожидании Джима я засел неподалеку в каком-то баре.

Машу Гончарову он нашел через два часа.

– Куда мы едем? – спросил я Джима.

– В прачечную, – ответил он. – Присматривай за своей сумкой, в этом районе полно пуэрториканцев.

Когда мы вошли, в небольшой комнате с полупустыми металлическими стеллажами никого не было. В высоко расположенном маленьком окне виден был только кусочек неба. В воздухе разливался запах какого-то сильного ароматизатора.

«Боже мой, это с филологическим-то образованием!» – успел по-русски подумать я, как дверь отворилась, и, пятясь худенькой спиной, нагруженная массивной тележкой с упакованными пакетами с бельем, в стареньких, еще московских, голубых джинсах, в комнату вошла Маша. Казалось, она не удивилась, увидев меня.

– Я сейчас! – Она разложила на полках белье, и мы вышли на улицу.

– Все изменилось! – сказал я, беря ее за руку. – Теперь у меня есть деньги и я могу тебя увезти в Москву. Мы купим дом в Далеком Поле и будем безбедно жить вместе.

– Нет, поздно! – Она сказала это спокойно и как бы в подтверждение этих слов отрицательно помотала головой. – Я никуда не поеду. Я буду жить здесь сама. Вы все меня предали. Я вам не верю.

– Я не хотел, Маша! Я слишком рано опустил руки! Прости меня! Я знаю, тебе придется зарабатывать на жизнь в ночном клубе. Это не для тебя! Поедем домой!

– Не мне говорить тебе, Григорий, что дорога в ад, в сущности, вымощена благими намерениями. Я знаю, ты желал мне счастья, так же как и мама, но получилось все по-другому. Я никого не виню. Я не сержусь. Я и сама предала Питера. Вероятно, он думал, что я буду ему хорошей женой. Но и с тобой я не поеду, Гриша. Я не люблю тебя больше. Ты трус!

Да, она стала другая. Внешне не изменилась. Небольшой круглый пучок волос все так же украшал ее нежный затылок, и мелодичные беспомощные нотки все так же звучали в голосе, но не прежняя московская девочка-студентка стояла передо мной. Она была птицей, ударившейся о скалу, но не разбившейся, а вынесшей сильный удар. Птица отлежалась в кустах на морском берегу и теперь уже снова могла летать, но еще неровно, не отваживаясь подняться на большую высоту, однако карабкаясь все выше и выше. Она уже не боялась поднять голову и не боком, а прямо смотреть в небесную синеву.

– Не волнуйся, Григорий, иди! Все будет хорошо! Я уже хожу учиться в школу для медсестер, а в клуб только два раза в неделю. Через полгода у меня будет настоящая работа, и я этот клуб брошу! Когда я встану на ноги, я сама напишу маме, пусть она присылает сюда Наташку. Жизни лучше учиться здесь. Дома, в Москве, мы слишком уж рафинированы. Ну ладно, Гриша, иди, мне пора!

Она на мгновение прильнула к моему лицу, и я почувствовал слабый запах апельсиновой жвачки. Через открытую дверь я увидел, как она вернулась в комнату и села за металлический стол заполнять квитанции. Джим вынырнул откуда-то из-за моей спины и встал рядом.

– Пожалуйста, Джим, отвези меня в аэропорт!

– О'кей! – Он был деликатный человек, этот частный агент.

Я все-таки успел долететь до Москвы. Видимо, мне помогло продержаться то, что все время полета, в течение двенадцати часов, я был очень пьян. В аэропорту меня встречала жена. Видимо, Джим послал ей телеграмму о моем состоянии. У нее в глазах стояли надежда и слезы.

Я успел ей крикнуть вместо приветствия:

– Тимку из гаража возьмите к себе!

В ту же секунду я провалился в небытие навсегда. Может быть, это смешно, но я очень рад, что я умер.

Надо платить.

1996 год

Лялечка, или Ироничное размышление о нас, труженицах пера

Оля Иванова, после школы окончив педагогическое училище, вот уже лет пятнадцать работала парикмахером в дамском салоне. Запись к ней растягивалась на месяц, а то и побольше. И предпочитала Лялечка брать клиенток не просто так, не с улицы, а по рекомендации полезных знакомых.

Маленькая собачка до старости щенков. Лялечка, безусловно, подходила к этой категории. От природы будучи крошечного роста шатенкой, она красилась в натуральную блондинку и носила туфли на высоких каблуках.

– У меня от низких ноги болят, – заявляла она вопреки здравому смыслу и для убедительности воинственно топала маленькой ножкой. Ко всему прочему следует добавить, что Лялечкин муж трудился механиком в автосервисе, а дочка выросла уже настолько, что через год собралась поступать в то же самое педучилище.

Лялечка зарабатывала прилично. А могла бы гораздо больше, но у нее был свой принцип – она никогда не брала клиенток сверх рабочего времени.

– Извините, я занята, – твердо говорила она настойчивым дамам, снимала свой фирменный халатик, складывала инструменты и уходила.

– Может быть, вы можете прийти на дом? – Клиентки подмигивали Лялечке на оба глаза.

– Нет. В свободное время я предпочитаю заниматься другим делом. – Дамы поджимали губы и думали про себя: «Здрасьте пожалуйста, гордая какая! Каким это, интересно, делом предпочитает она заниматься?» Но поскольку Лялечка стригла их так, что в течение полутора месяцев достаточно было просто встряхнуть головой, чтобы стрижка ложилась, как новенькая, вслух выражать недовольство клиентки побаивались.

Лялечка же, никому ничего не говоря, писала романы. Сначала дело у нее шло не очень, но к концу третьего года этой работы она поднаторела. Ее пальчики каждый день бойко сновали по черным клавишам компа, и сама Лялечка получала от этого процесса удовлетворение гораздо большее, чем от возни с ножницами и расческой. Муж ее увлечению не противился, потому что, занятая романами, Лялечка прощала и ему его скромные развлечения – баню с пивом по субботам да футбол по телевизору. Дочке же уже вообще интереснее было с подружками, и вот так, худо-бедно, настал день, когда Лялечка закончила третий, самый лучший, на ее взгляд, свой роман.

«Куда же теперь его деть?» – задумалась она. Шагать сразу в редакцию было неудобно, хотя адреса всех известных издательств уже давно лежали у нее в записной книжке. «Без знакомства наверняка даже на порог-то не пустят». Лялечка решила подождать, пока не подвернется кто-либо, кто помог бы ей открыть дверь в новый захватывающий мир литературы.

«Ищите, да обрящите», – говорится для тех, кто страстно хочет чего-нибудь добиться. Для Лялечки смысл этого выражения облекся в дородную фигуру новой клиентки, рекомендованной Лялечке школьной подругой. Звали клиентку Августа Павловна. Когда она в первый раз непринужденно и мощно, как летний ливень, подплыла к Лялечкиному креслу, та сначала подумала, что Августа Павловна – старшая жена какого-нибудь восточного шейха. Так черны были ее густо выкрашенные сурьмой брови, так ровен был старомодный пробор, простирающийся от макушки до высокого смуглого лба. Переливисто и благородно звенели кольца и браслеты на морщинистых, желтоватых от табака руках Августы Павловны, а черная блуза удачно скрывала около трех десятков лишних килограммов. Впечатление довершало мощное контральто, которым Августа Павловна пояснила Лялечке свое желание избавиться от надоевшего пучка волос на затылке и приобрести модную стрижку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.